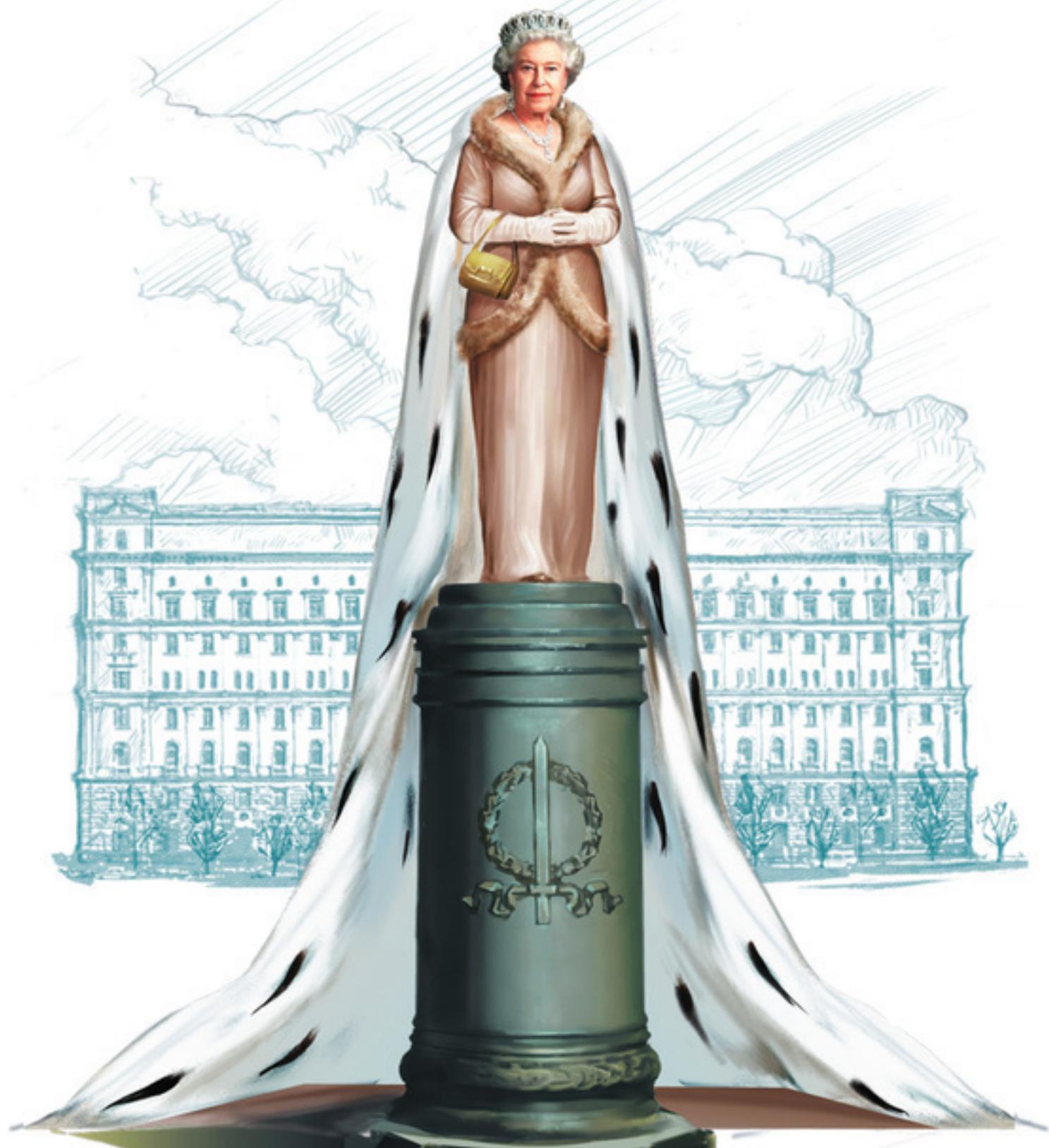

ПАВЕЛ АСТАХОВ

ШПИОН

Адвокат Артем Павлов

Павел Астахов

Шпион

«ЭКСМО»

2008

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Астахов П. А.

Шпион / П. А. Астахов — «Эксмо», 2008 — (Адвокат Артем Павлов)

ISBN 978-5-699-28265-4

Американская гражданка Соня Ковалевская стала яблоком раздора между друзьями – полковником госбезопасности Юрием Соломиным и успешным адвокатом Артемом Павловым. Полковник не сомневается: Соня – связная, прибывшая в Москву со спецзаданием. Артем думает, что это не так. Несмотря на бурный роман с девушкой, адвокат пытается доказать, что он не меньший патриот, чем его однокашник по Высшей школе КГБ. Интуиция и адвокатский опыт подсказывают ему, что в таком деле, как шпионаж, нельзя рубить сплеча. Под пристальным контролем спецслужб он вынужден просчитывать каждый шаг, контролировать каждое слово и самостоятельно добывать железные доказательства. Пока полковник и адвокат выясняют отношения, настоящий агент активно работает в Москве. Настолько умело, что даже когда контрразведка все же «берет» его, то практически ничего не может предъявить. Политическим решением агента меняют на перебежчика генерала-оборотня. В процессе этой операции раскрывается истинное лицо и отношения героев романа. Но для некоторых слишком поздно. Контрразведчик, адвокат и генерал-оборотень на краю гибели барахтаются в ледяных океанских волнах. Спасти суждено не всем...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-28265-4

© Астахов П. А., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Часть 1	7
Отель	7
Провал	9
Бенни Хилл	11
Контракт	13
Анекдот	15
Карьерист	17
Пробка	19
Что делать?	20
Милосердие	21
Звонок	23
Связной	25
Часть 2	26
Незнакомец	26
Досмотр	29
Иммигрант	30
Ньютон	32
Сынок	34
Ошибка	36
Сон	37
Пила	39
Список	40
Плевок	42
Гений	44
Игрушки	46
Дровосек	48
Энциклопедия	49
Наваждение	51
Платоны	52
Агент	54
Обжора	55
Самооценка	58
Лирика	60
Премьера	61
Совещание	62
Рапорт	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Павел Астахов

Шпион

© Павел Астахов, 2008

© ООО «Издательство «Эксмо», 2008

* * *

Порою очень сложно отличить подвиг разведчика от подлости шпиона.

Часть 1

Администратор

Отель

Отель «Метрополитен» в самом центре Москвы всегда славился высоким уровнем обслуживания, просторными номерами с красивыми видами на Красную площадь и Лубянку. Разумеется, такая близость не могла не сказаться на тайной жизни отеля и его сотрудников. Абсолютное большинство из них даже в постперестроечные девяностые годы по-прежнему являлись тайными осведомителями отечественных спецслужб. Поэтому полковник Юрий Юрьевич Соломин вошел в кабинет главного администратора без стука.

– Добрый день, Яков Борисович!

Сидевший за массивным столом седой курчавый пожилой еврей заулыбался и резво вскочил из-за стола:

– Здраствуйте, здравствуйте! Точнее добрый вечер, Югий Югевич!

– Почему «вечер», господин Финкель? – Соломин исподлобья оглядел безупречный смокинг Вечного администратора.

Тот, видя, что его рабочий костюм оценен чекистом по достоинству, улыбнулся широкой подкупающей улыбкой, а затем сделал наивное лицо и развел руками:

– Дело в том, многоуважаемый Югий Югевич, что мой папа, дай Бог ему здоговья, всю жизнь жил на одной лестничной клетке с вашим коллегой товагищем Чебгиковым, светлая ему память!

Соломин знал, что рассказ затянется, а поэтому присел в кресло и одобрительно кивнул стоящему перед ним администратору. Ему торопиться было некуда.

– Так вот, каждое утро возле лифта они здоговались. Товагищ Чебгигов говолил: «Доброе утро, Богис Соломонович!», а папа отвечал: «Добрый вечер, уважаемый Виктор Михайлович!» И так много лет подгяд.

– Забавно. И в чем же секрет? – слегка передразнил собеседника Соломин.

– А секрета никакого нет! – развел руками администратор. – Пгосто однажды Виктор Михайлович был не в настгоении и гассегдился на папу. Он гезко остановил его на полуслове и спгашивает: «Что такое? Богис Соломонович! Почему вы каждое утро желаете мне доброго вечера? Или я уже совсем так плохо выгляжу, что вы боитесь не увидеть меня вечером?»

– А что же папа?

– А папа сделал стгашные глаза. Он замахал гуками и воскликнул: «Ни-ни, догогой Виктор Михайлович! Дай Бог вам долгих лет жизни и благополучия! Я так отвечаю, потому что пги встрече с вами у меня сгазу темнеет в глазах!»

Соломин рассмеялся, а рассказчик, видя, что угодил, снова развел руками и поклонился как заправский артист или, скорее, конферансье.

– Вот так-то, Югий Югевич.

Соломин перестал смеяться, и администратор Финкель понял сигнал правильно:

– И чем может быть полезен стагый больнон евгей вашему всеильному ведомству?

– Как всегда, Яков Борисович. Меня интересуют кое-какие ваши гости. Вот список.

Соломин протянул бумагу в четверть листа обычного формата. На нем значились шесть имен и номера комнат. Три на третьем этаже и три на пятом. Яков Борисович читал, шевеля губами:

– Джон Доу, представитель концерна «Шеврон». Майкл Китон, киноактер. Синди Джеффсон, «Вгачи за миг на Земле». Дэвид Кудгофф, профессор, Лондонский Коголевский Университет. Хиро Фуудзуки, концерн «Митсубиси». И Ив Бонне, налоговый адвокат. Да-а-а. Набогчик интернациональный. Что же надо сделать с сей компанией гостей нашего отеля?

Соломин улыбнулся краем рта:

– Абсолютно ничего. Специалисты «Мосводоканала» через пять минут подойдут к вам и быстренько проверят, как работает водопровод и канализация у этих уважаемых гостей столицы. По лучшим законам гостеприимства.

Чекист пытливо посмотрел на продолжавшего стоять в легком полунаклоне с листком бумаги в руках администратора:

– Мы ведь должны заботиться о высоком стандарте обслуживания. Не так ли, Яков Борисович?

– Конечно, конечно! – замахал руками Финкель и тут же умело подыграл: – Инспекция, значит, инспекция. Мы обязаны предоставлять возможность годовским службам проветрять исправность систем жизнеобеспечения и водоснабжения.

– Вот и прекрасно! – снова передразнил его Соломин, потянулся, хрустнул суставами тренированного тела и прислушался. – А вот и специалисты прибыли, Яков Борисович.

Он поднялся и открыл дверь. На пороге стояли трое абсолютно безликих и, казалось, одинаковых мужчин в спецодежде голубого цвета с одинаковыми чемоданчиками в руках и одинаковыми сумками через плечо.

– Проходите, товарищи! – Юрий Юрьевич сделал приглашающий жест, и кабинет сразу же стал тесноват для трех пусть и некрупных специалистов с их багажом. Яков Борисович поспешил навстречу:

– Проходите, проходите. Хотя, если вы тогопитесь, мы можем отпавиться по местам. Сейчас я дам вам надежного соггудника с мастег-ключом. – Он нажал кнопку селектора и не дожидаясь ответа секретаря выпалил: – Магия, позови мне Сашу, только быстро!

Провал

Полковник Юрий Юрьевич Соломин, профессиональный разведчик старался делать свою новую работу тщательно, но отстраненно и безразлично. Хотя, разница с тем, что он делал буквально пару лет назад, была слишком велика.

Соломин не так давно вернулся из заграничной командировки – очень долгой... длиною во всю прошедшую с момента его выпуска из разведшколы жизнь. И обстоятельства своего возвращения из Великобритании он помнил превосходно.

Сначала посол покрылся багровыми пятнами – от кончика подбородка до макушки. Кровь прилиwała и прилиwała к его глазам, щекам, шее, а затем он взревел, как иерихонская труба, и ревел так тридцать восемь минут.

– Позор! Позор на всю страну! Нет! На весь мир! Что скажет министр?! Так вас растак! Как вы могли?! Подставили! Продали! С потрохами! Продали...

Он схватил себя за узел галстука, рванул его в сторону и хрипло, словно индийский слон в сезон засухи, выдохнул.

– Э-э-эх!!! Теперь, в лучшем случае, быстрая и незаметная отставка... А в худшем...

Соломин и Полина молчали. Они не находили разумных объяснений тому, как девушка оказалась в злачном местечке именно в момент облавы на тамошних наркodelьцов, – в этом районе Лондона и днем-то было опасно появляться. Еще сложнее было объяснить, почему при ней были обнаружены приспособления для употребления «дури». Ну, а засветившийся вместе с ней полковник помалкивал.

Соломин давно снимал в этой части города маленькую холостяцкую квартирку – якобы для встреч с особо ценными агентами. И никто не знал, что со своими информаторами он предпочитал встречаться в людных местах и обмениваться информацией на ходу, а самым ценным «агентом», часто и подолгу остававшимся в квартире вместе с арендатором, была его стройная и белокурая помощница Полина.

– Юрий Юрьевич, – посол растянул узел галстука и теперь переливался как созревшая малина. – Я прошу вас принять срочные меры. Как-то разберитесь, чтоб, ну, не было ненужных последствий... Вы меня понимаете?

Посол жалобно посмотрел на Соломина. Официально тот, конечно же, был всего лишь советником по вопросам культуры, но неофициально... неофициально Юрий Юрьевич мог очень многое...

Соломин послу сочувствовал. Ведь придется докладывать министру, а тот – не то, что прежние мямли, всплывшие сначала на перестроечной, а затем на приватизационной волнах. Этот, отсидевший десяток лет в ООН, не спустит подобных просчетов.

– Идите... – не глядя на подчиненных, махнул рукой посол.

Соломин потянул за руку свою пассию, и они выскочили из кабинета. Ему не хотелось объясняться с любовницей, а потому он просто проводил ее до секретарской, слегка приобнял и строго посмотрел в полные слез и отчаянья глаза:

– Полинка, не кукситься! Собирай вещи, спокойно езжай в Москву. Ничего страшного. Посидишь пару лет в МИДе, а потом что-нибудь придумаем. Поняла?

– Угу, – только и смогла выдать всхлипывающая помощница.

– Ну-ну! Не отчаиваться! Мы им ответим симметрично. Мало не покажется! – погрозил он куда-то в пустоту кулаком, наклонился к девушке, коснулся губами мокрой от слез щеки, подтолкнул в комнату и быстро ушел.

Юрий Юрьевич не любил расставаний и старался избегать подобных сцен. Еще больше не любил он женских слез, но, главное, у него были дела поважнее. Уже во время яростного монолога посла, получившего требование английского МИДа о выдворении сотрудницы, попавшей

в сети агентства по борьбе с наркотиками, Соломин ломал голову, кто мог их выследить и так жестоко и умело подставить. Никаких зацепок не находилось.

«Если посол успел доложить в Москву, – напряженно думал он, – а, судя по его искренней тираде, так и случилось, придется паковать чемоданы...».

Ужаснее всего было то, что официально оформленная конспиративная квартира, гордость резидента Соломина была провалена абсолютно бездарно. Полицейские взломали дверь, обыскали помещение, а потом еще и опечатали. Нет, сам Соломин в облаву не попал, а номинальным арендатором числился некий Т. Уолш, следы коего терялись в доках далекого ирландского городишки Корк. Но вся сумма слишком унижительных для профессионала обстоятельств работала против него.

Соломин воспользовался экстренным каналом связи, уже через двадцать минут отправил шифrogramму в Центр, и... все-таки опоздал. Реакция начальства была незамедлительной, выводы – серьезными, а наказание – быстрым и несоразмерно «преступлению» жестоким – возвращение на родину.

– Нашли крайнего... – выдавил Соломин и отвернулся к окну, так, чтобы администратор-еврей не видел его лица.

Здесь, в Москве, его ждало все, от чего он был избавлен в Лондоне: мизерный оклад, вечно подчиненное положение и необходимость потрошить чужое белье в номерах вместо интеллектуальной работы.

Бенни Хилл

Ти Джей просмотрел свежие, только что пришедшие из Москвы документы, откинулся в кресле и блаженно прикрыл глаза; ему, основному творцу идущей к завершению операции «Доклад» было о чем подумать.

Корни операции уходили в далекие 90-е годы, когда заместитель Президента Столичного университета профессор Кудрофф пригласил в Британию представительную делегацию московских ученых. Для ведущих нищенское существование русских такая поездка давала возможность не столько обменяться научными достижениями, сколько подзаработать сотню другую долларов да сэкономить на командировочных.

Ведущие ученые великой страны отработали технологию до совершенства – еще со времен редчайших советских поездок в Венгрию и Болгарию. Дневной паек ученого, измерявшийся двадцатью двумя долларами США заменялся тремя банками бычков (или кильки) в томате, килограммом сушек (или сухарей), пачкой индийского (или грузинского) чая, десятью кусками сахара типа «рафинад» и плавлеными сырками «Дружба», «Волна» или «Янтарь» – по потребностям. Можно было также захватить пару бутылок водки и обменять ее прямо в гостинице у консьержа на десять долларов по курсу лева, кроны или динара.

Понятно, что когда профессор Кудрофф озвучил предложение Столичного Королевского Университета регулярно приглашать коллег из России в Лондон, русские его приняли «на ура». Неделя ушла на скандальное профсоюзное собрание, созванное не попавшими в список отъезжающих представителями кафедры жидких металлов. Еще две недели на срочное оформление паспортов и виз. Однако к концу месяца девять сотрудников Института киберфизики высаживались в аэропорту Хитроу.

Ти Джей тихо рассмеялся. Среди этих девяти только трое были реальными учеными. Все остальные занимали совсем иные посты: заместитель ректора по хозяйственным вопросам, начальник отдела технического и материального обеспечения, проректор по учебным вопросам и прочие незаменимые «физики». Встречавший русскую делегацию Кудрофф буквально схватился за голову, когда первый же сошедший на британскую землю «ученый» попросил срочно рассказать, где можно купить «импортную сантехнику» и «фирменную видеоаппаратуру». И чутко курирующий процесс «сотрудничества» Томми немедленно подбодрил отчаявшегося профессора:

– Сэр, отличная работа! – похлопал он Дэвида по плечу, едва прилетевшие из Москвы гости собрались в специально отряженном автобусе.

– Вы это серьезно, Томас? – вице-президент не верил своим ушам.

– Абсолютно, – кивнул Ти Джей. – Как минимум двое из прибывших представляют для нас интерес.

– Уфф! – выдохнул Кудрофф, схватил Ти Джея за руку и что было сил затряс. – Вы меня воскрешаете, Томми.

– Ну-ну. Не стоит благодарностей, – высвободил Ти Джей руку, – общее дело делаем, Дэвид.

Он оглядел рассеявшихся в автобусе делегатов и склонился к ученому:

– Дэвид, я буду вам искренне признателен, если вы отправите всех желающих закупать унитазы и телевизоры в самый дальний молл. Например, «Милтон Кейнс». Там и цены пониже, и народу побольше...

– Как скажете. Только я не понимаю... – начал Кудрофф.

Томми поморщился и прервал его:

– Вам и не обязательно это понимать, Дэвид! Мне нужны вон те двое, – кивнул он в сторону степенного высокого старика с грузинским профилем и львиной гривой. Второй, лысый толстячок, с растерянным видом что-то чертил на запотевшем окне автобуса.

– А? Вы имеете ввиду профессора Бадри Шенгилия и декана Николая Смирнова?

– Да-да. Особенно вон тот, похожий на Бенни Хилла.

– Ха! Действительно! – рассмеялся Кудрофф. – Как я раньше не заметил! Мистер Смирнов и впрямь – вылитый Бенни!

Переволновавшийся Кудрофф смеялся и смеялся, явно представляя уважаемого русского декана в образе известного английского комика, и лишь поймав ледяной взгляд собеседника, поперхнулся и тут же превратился в слух.

– Насколько я понимаю, именно этот декан имеет право заключить столь необходимый нам договор? – Ти Джей пристально посмотрел в глаза моментально притихшего Дэвида Кудрофф.

Тот закивал и перешел на доверительный полусшепот:

– Да-да! Именно он. Мы уже слегка касались этого вопроса еще в первый и во второй визит в Москву.

– И что же Смирнов?

– Он подтвердил, что имеет право выступать ответственной стороной в договоре.

– А вы продумали, как будет выглядеть такой договор?

– Да-да... Не волнуйтесь. Мы уже все продумали.

Томми сложил руки на груди, глубоко вздохнул и, хищно улыбнувшись уголками рта, подытожил:

– А я и не волнуюсь. Если вы сорвете операцию... впрочем, вы и сами знаете.

Кудрофф шумно глотнул, и Ти Джей, понимая, что с этим «ботаником» лучше не перегибать палку, дабы не наделал глупостей с перепуга, улыбнулся обычной «человеческой» улыбкой и протянул руку:

– Я уверен, что все обойдется без проблем. Вы опытный, проверенный партнер. Нам есть, чем гордиться и есть, что терять. Мы, в конце концов, работаем для Её блага, – Ти Джей чуть вытянул из кармана двадцатку фунтов и тут же убрал обратно.

Как любой британский подданный, Дэвид Кудрофф знал, КТО украшает купюру этого номинала. А потому профессор выпучил глаза, тяжело вздохнул и машинально пожал жесткую руку разведчика.

Ти Джей открыл глаза. Задуманная им операция оказалась беспроигрышной: в считанные годы они создали целую систему перекачки информации, не нарушая при этом ни единого закона. Даже просто выйти на профессора Кудрофф можно было разве что процеживая иностранных гостей России частым бреднем, а уж доказать, что британский ученый-альтруист подрывает обороноспособность столь обожаемой им чужой страны...

– Нет, нереально... – рассмеялся Томми и принялся кропотливо изучать все, что получил из России, – страницу за страницей.

Контракт

К 16-00 осмотр был полностью завершен в пяти комнатах из шести. В шестой находилась женщина-врач. Вместо участия в конференции она дрыхла беспробудным сном, и по стойкому запаху перегара было ясно, что она просто не смогла справиться с джет-легом. Ведь перелет из Мельбурна занял у нее более суток, а разница во времени с Австралией вообще не давала ей шансов провести оставшееся время в Москве плодотворно.

Соломин просматривал сделанные ручным сканером копии документов прямо в кабинете администратора, без особой надежды, правда. По сути, все, что он делал в последнее время, более всего напоминало процеживание бреднем, несмотря на многочисленные наводки друзей. Впрочем, это был единственный путь: кропотливая реставрация связей со всеми, с кем дружил много лет назад, и посильное использование всех, кого можно, чтобы выполнить главную задачу – повернуть два-три громких дела, восстановить доброе имя и снова вырваться отсюда – как можно дальше.

«Специалисты Мосводоканала» делали свою работу быстро и качественно, и Юрий Юрьевич уже мог оценить хотя бы общий характер документов. Но первым делом он углубился в чтение бумаг из номера некоего Дэвида Кудрофф – именно его настоятельно рекомендовал проверить Боря Черкасов, а своим однокашникам Соломин доверял. И результат был: Соломин сразу же обнаружил искомый контракт о научно-практическом сотрудничестве с российским Институтом киберфизики. Обычная шапка, дежурные слова. Одна сторона, другая сторона. Предмет договора...

– Ну, что ж... вот оно.

По договору российский институт обязался подготовить и передать университету три научных отчета о проведении исследований и практических результатах испытаний сверхскоростных минидвигателей.

«Значит, минидвигатели...»

Соломин быстро пробежал глазами весь договор. Срок исполнения – четыре месяца. Два месяца – подготовительный период, затем на каждый отчет по одному месяцу. Последний отчет – результаты практических испытаний специально построенных моделей с использованием минидвигателей на твердом топливе. Весь опыт полковника Соломина говорил: речь идет о продаже практически готовой миниракеты! Собственно, об этом и предупреждал Соломина заместитель ректора по режиму полковник безопасности Борис Черкасов.

«Необходимо идти на доклад к зампреду. Да что там к зампреду?! Лучше сразу записаться к председателю. Старик опытный...»

Юрий Юрьевич прекрасно понимал, что подобные бумаги наверняка неплохо продуманы с юридической стороны, и доказать, что работы с Институтом киберфизики это самый настоящий шпионаж, будет непросто. Но возможность вернуться на любимую работу, с бессрочной командировкой в Лондон стоила сколь угодно больших усилий.

* * *

Когда позвонил Соломин, Черкасов как раз доставал из стола четвертинку.

– Ты был прав, Боря, – без обиняков признал Соломин, – я нашел.

Черкасов ухмыльнулся; он никогда и ничего не говорил попусту, а особенно, если это касалось работы.

– Естественно, я прав. И что ты решил?

– К Председателю надо идти. Дело серьезное.

Черкасов поморщился.

– Не, Юра, ты так ничего и не понял. Кудрофф сегодня вечером улетает. И улетит он, я тебе голову на отсечение даю, полный информацией, как... как...

В трубке послышался уклончивый смешок.

– Полный-то он полный, но если ты ему все к вывозу подписал, я что сделаю? Лучше скажи, там есть, за что зацепиться? Что-нибудь реально неразрешенное...

Черкасов досадливо крякнул и зубами сорвал с четвертинки мягкую крышку. Насколько он знал, британцы относились к законам весьма трепетно, а потому поймать их на чем-нибудь неразрешенном было почти невозможно. Но и спокойно смотреть, как расхищается и разбазаривается страна, он уже не мог.

– Откуда я знаю, что там у него есть? Я одно знаю: таких надо с поличным брать. Скажем, в аэропорту. У тебя все шансы есть! А победителя по-любому не судят...

Явно раздраженный Соломин буркнул что-то невнятное и отключился.

Анекдот

Профессор Кудрофф был доволен.

«Вот кто бы мог подумать, что Смирнов так легко пойдут на это? – думал он, – А ведь начиналось-то все с пивной!»

Конечно же, положив руку на сердце, все начиналось не просто с пивной, а с пивной на Ковент-Гарден, а это, как ни крути, место особое. Круглые сутки шумит Ковент-Гарден разнообразной, разномастной и разноязыкой праздной толпой. Любой гость Лондона, если отправится гулять от Пиккадили в сторону реки, неизбежно забредет в этот уютный и небезопасный район. Он притягивает своими традиционными пабами и разрисованными витринами магазинчиков. На площадках между магазинами происходит нескончаемое веселое представление уличных акробатов, жонглеров, клоунов и гимнастов. Толпа зевак охает от взлетающего на высоту третьего этажа акробата и хохочет от неприличных шуток красноносого юмориста. Здесь легко не только затеряться в пространстве, но и потеряться во времени, не заметив, как день сменился ночью и наступило утро следующего дня. Все работает круглосуточно, а шутки и трюки по мере наступления ночи становятся лишь острее.

Сюда и повел нового русского друга Дэвид Кудрофф. И декан факультета прикладной физики Института кибернетической физики Академии наук Николай Смирнов крутил своей абсолютно круглой головой почти на 360 градусов и изредка восхищенно хлопал в ладоши. Когда очередная едкая шутка была не совсем ясна, он тянул за руку Дэвида и, подбирая слова, переспрашивал, о чем говорил этот уличный артист, больше похожий на спившегося таксиста, нежели на юмориста.

– Просто он рассказал о том, как в лондонский паб, где сидят англичане, один мужик заходит с овечкой, – громко и четко выговаривая слова, пытался объяснить суть анекдота своему русскому коллеге Дэвид.

– Да-да. Это я понял. Только почему овечка? – перебил его Смирнов.

– Ну, как сказать? – пожал плечами вице-президент. – Это анекдот. Просто овечка и овечка.

– А в чем юмор? – не понимал очевидного Смирнов.

– Ну, как же? Он же с овечкой зашел внутрь. Осмотрелся и спрашивает...

– А разве у вас можно с овцами заходить в бар? – вытаращил глаза русский.

Кудрофф при всей своей терпеливости едва сдерживался, но стиснул зубы и продолжил объяснение:

– С овечками, конечно же, нельзя. Но это же анекдот! Понимаете? Это, как сказать? Это – преувеличение. Ясно? Ну, вы же не удивляетесь, когда в анекдоте кто-то, например, выпил бочку пива? Ну, так говорят...

Уже не слишком трезвый, а потому чрезмерно самоуверенный Смирнов прикрыл один глаз и покачал головой:

– Не, бочку выпить человек не может. Я вот однажды, когда был студентом, на спор выпил пятнадцать кружек пива. Ну, по поллитра. У нас такие кружки, – пояснил он и для убедительности развел руки вверх и вниз, показывая «русский размер» пивного мастерства.

Кудрофф молча слушал, хотя размер русской кружки, отличавшейся от английской пинты почти в два раза его, если честно, впечатлил.

– То есть, я выпил всего семь с половиной литров отличного советского разливного пива, – пояснил Смирнов, – а бочка, это минимум два ведра. Каждое ведро примерно двенадцать литров, то есть двадцать четыре литра пива. И заметьте! – он торжественно поднял правую руку и ткнул указательным пальцем в темное лондонское небо: – Вовсе не советского

пива. А какого-то непонятного вашего. Так что бочку по вашей версии выпить не-воз-мож-но! Наука вас опровергает!

Смирнов удовлетворенно хлопнул в ладоши, и Кудрофф потряс головой, чтобы прогнать наваждение и вспомнить-таки, о чем шла речь.

– Так вот, – вспомнил Кудрофф, – он все же зашел в паб, несмотря на ваши возражения. Встал посреди зала и спрашивает...

– А это было днем или вечером? – вновь влез с вопросом Смирнов.

Дэвид тихонько застонал.

– Какое это имеет значение?

– Э-э-э. Не скажите, – не согласился русский гость, – самое прямое. Если это было вечером, то в угаре никто бы и не заметил ни вашего гостя, ни его овечки. Ее можно было принять за крупного боб-тейла или вообще за карлика в шубе. В набитом битком вечернем пабе никто ни на кого и внимания-то не обращает.

Смирнов удовлетворенно улыбнулся и сложил руки на груди – вылитый Наполеон только лысый.

Дэвид вздохнул и продолжил досказывать анекдот, хотя даже комики уже закончили свое выступление и обошли уличных зрителей со шляпой, в которую полетели медяки и никелированные монетки.

– Это было после полудня, но еще не смеркалось. Подходит?

– Вполне.

– Так вот, этот посетитель с овечкой спрашивает бармена у стойки: «Вы здесь наливаете католикам?»

Смирнов снова оживился:

– Извините! А разве прилично шутить о вопросах вероисповедания? Мне кажется, это задевает чувства некоторых граждан. Не так ли?

И вот тогда Кудрофф растерялся. Он понимал, что такое корректность в вопросах веры, но ведь анекдоты для того и существуют, чтобы высмеивать, и здесь запретных тем быть не может. Ясно, что профессор физики из России о европейских ценностях и слыхом не слыхивал, но вот оспаривать его не стоило. Дэвиду нужно было, прежде всего, наладить с ним доверительный контакт. На этом особенно настаивал Томас Хоуп.

– Вопросы религии, конечно же, не обсуждаются прилюдно, – терпеливо объяснял он, – но анекдот на то и анекдот. Это же ирония, сарказм. Я знаю, что в Советском Союзе анекдотов было гораздо больше, чем официальных печатных газет. Так?

– Это правда, – вздохнул Смирнов.

А едва Дэвид решил, что можно, наконец, довести известный своей простотой анекдот об овечке до конца, русский принялся рассказывать, как его отчитали на партсобрании за не к месту рассказанный анекдот про Генсека. Кто-то из собравшихся за общим столом настучал проректору по режиму.

Дэвид ждал четверть часа, полчаса, час, но возможности рассказать русскому финал не предоставлялось. Там и всего-то было полтора десятка слов: «Бармен отвечает: «Конечно, у нас демократичная страна». А посетитель обрадованно говорит: «Ага. Тогда налейте овечке!»

И все!

Но Смирнов рассказывал и рассказывал, Кудрофф кивал и кивал, в конце концов они стали друзьями, а дело пошло на лад.

«Какое дело провернули! – до сих пор не мог поверить в такую удачу Кудрофф. – Вот это, я понимаю, сделка!»

Карьерист

Соломин бросил трубку на рычаги и уткнулся лицом в ладони. Отыскание фактов шпионажа никогда не было простой задачей, и в ситуации, когда твои погоны прямо зависят от изобличений, приходилось изворачиваться. И понятно, что сильно помогали старые друзья, те, кто уже знал, где искать «рыбные места»...

Ну, а на Борю он вышел с месяц назад, едва обнаружил некоего Черкасова в штатном расписании Института киберфизики, в качестве зам ректора по режиму. И, конечно же, он позвонил – просто потому, что лишь благодаря таким вот Черкасовым ему и удавалось удерживать новую должность за собой. Институт этот был не простой: помимо открытых факультетов, где шло обучение, там было много закрытых кафедр и даже целых засекреченный факультет.

– Слушаю... – прогудел так хорошо узнаваемый, определенно нетрезвый голос. – Ну? И почему мы молчим?

– Боря... – выдохнул Соломин. – Это все-таки ты...

– Юра? – неуверенно поинтересовался Черкасов.

– Узнал, старый чертяка... – облегченно протянул Соломин.

– Стоп! – оборвал его слишком понятливый Черкасов. – Только не говори, что тебе нужна моя помощь.

– Именно так, – рассмеялся Соломин.

В трубке повисла тишина. Черкасов знал о карьере Соломина немного, но уж то, что Юра устроен в жизни гораздо лучше него, понимал. Разница между ними была видна уже тогда, недаром Соломин пятнадцать лет не звонил. И все-таки однокашник по «вышке» определенно не шутил.

– Ты где сейчас? – осторожно поинтересовался Борис. – Можешь говорить?

– Увы, могу, – горько усмехнулся Соломин. – В Москве я, Боря, в ср...й, грязной, нищей Москве.

– Врешь, – не поверил однокашник. – Выперли, что ли?

Это был самый болезненный момент, кому бы он ни позвонил, и этот момент приходилось преодолевать.

– Да, выперли, – сказал он все, как есть, – кончилась моя война «малой кровью, на земле врага»... теперь вот изобличаю происки противника на родной земле. Кстати, как там у тебя? Братская помощь не нужна? А то... я бы оказал – разумеется, по настойчивой просьбе с твоей стороны...

Понятливый Черкасов покачал головой.

– Ты, Юра, на наш НИИ рот не разевай. У нашего академика наверху схвачено все.

– Так уж и все, – усмехнулся Соломин.

Уж он-то знал, что ни один штатский не может «схватить все» – просто потому, что «все схвачено» совсем в другом месте. И вдруг его поразила простая, но крайне важная мысль: он не учел нового статуса своего однокашника. Тот, прежний Черкасов отдал бы все, чтобы помочь Родине изобличить шпиона: создал бы себе агентов среди штатных работников, нашел бы подходы к объектам, и спустя какое-то время отдал бы Юре всех – сверху донизу. На блюдечке с голубой каемочкой. А вот новый...

Этот новый Черкасов определенно познал безденежье, бесперспективность и, похоже, затяжной алкоголизм. Более того, если Соломин – бдительный герой, это могло означать, что его бывший однокашник Черкасов, напротив – бездельник и растяпа, под носом у себя прозевавший целое шпионское дело. Так что большой вопрос, на чью сторону он встанет прямо сейчас.

– Ты не переживай, – подал голос Черкасов, – я своим принципам не изменил. Мне самому эти... козлы надоели до чертиков. Особенно еврей один... Короче, расскажу все, но, сам понимаешь, не по этому телефону.

Соломин тогда с облегчением вздохнул. Иметь Черкасова в союзниках было совсем не то, что иметь того же Черкасова в противниках. И все-таки многого бывший однокашник просто не понимал. Он явно полагал, что все вокруг только и делают, что распродают Родину, а на баррикадах по защите Отечества остался он один. Потому вечно нетрезвый Черкасов совершенно упускал из виду мелкие детали – вроде необходимости соблюдать приличия. Хотя, если честно, Соломина эти лживые приличия тоже достали – по горло!

«Может, и впрямь в аэропорту этого профессора обшмонать? Внаглую! Под каким-нибудь предлогом...»

Полковник Соломин глянул на часы: 16.20. До отправления самолета в Лондон, а значит, и для подготовки операции, еще оставалось время.

Пробка

Длинная вереница грязных, непрерывно гудящих автомашин вот уже третий час пыталась преодолеть развязку на площади Белорусского вокзала. Город задыхался от бесконечных пробок и заторов. Гаишники давным-давно прекратили не только регулировать движение, но и обращать внимание на подобное столпотворение.

На тротуаре в припаркованном автомобиле ДПС два сержанта мрачно курили и лениво позевывали, наблюдая, как молодой человек в модном плаще и начищенных ботинках отчаянно пытается исполнить их работу, безнадежно маша руками и отскакивая от наезжающих частников. Он не сдавался, но затор на перекрестке только увеличивался, а его автомобиль – «Мерседес» с шофером – по-прежнему был зажат грузовиком «Бычок» и «шестеркой» с молдавскими номерами. Старший сержант притушил очередной окурок и, открыв дверь, вывалился за борт. Почесал голову и, поглубже нахлобучив шапку, вразвалку двинулся к самозванцу.

– Але! Мужчина! Кто разрешил? Почему нарушаем?

Парень забеспокоился.

– Простите, я очень тороплюсь в Шереметьево, в аэропорт. Самолет. Вы же видите... – он осекся на полуслове.

Очередной автомобиль, прорвавшись сквозь смрад и ругань, чиркнул по дорожному плащу грязным крылом. Но такие мелочи виновато топчущийся на месте «регулировщик» уже не замечал.

– А кто не торопится? – с вызовом спросил гаишник и, не глядя, ткнул толстым пальцем в гудящую массу. – Все торопятся. Сам видишь, как люди нервничают.

– Я вижу. А вот вы? Вы почему ничего не делаете? – мужчина тоже нервничал и голос его уже срывался.

– Я? Я-то как раз делаю! Вот сейчас тебя уберем с перекрестка, а за свое самоуправство ты получишь пятнадцать суток, и будет полный порядок.

Гаишник поднял жезл и угрожающе двинулся на «регулировщика». Мужчина осекся и, задрожав всем телом, отпрыгнул от очередного наезжавшего на него автомобиля, а между ним и надвигающимся сержантом оказалась машина.

Что делать?

«Быть или не быть?» – пронеслось в голове Алека Кантаровича.

Он никогда в жизни не дрался. Его били. В детстве очень часто, а вот он даже не сопротивлялся. Лишь закрывал лицо руками. Так и лежал на земле во дворе, на школьном полу или туалетном кафеле до тех пор, пока мучители не уставали и не теряли к нему всякий интерес. Сейчас ему тоже захотелось закрыть голову ручками, упасть в вечную московскую слякоть под лысые колеса какого-нибудь «помидорного рыдвана» и дожидаться окончания этого кошмара. Или...

«Убежать?!»

А почему бы и нет? Ведь этот сержант не знает, ни на какой машине он приехал, ни куда движется. Эх, если бы не аэропорт и встреча американской гостьи, он бы даже не сунулся на улицы столицы в такой сумасшедший час. Разделивший милиционера и Кантаровича ржавый «Опель» начал двигаться. Через мгновение красная распаренная рука стража закона сцапает Алека, и карательный механизм будет запущен. Остановить его будет практически невозможно, потому что паровой каток государственного обвинения имеет лишь одну передачу – «полный вперед».

Отчаянно просигналили машины, гаишник отвлекся, и Алек судорожно огляделся, а через мгновение ноги сами понесли его прочь. Он прыгнул еще раз, потом побежал, и вскоре уже исчез в чаду и выхлопных клубах продолжавших биться в непримиримой дорожной схватке железных коней москвичей и гостей столицы.

Сержант презрительно сплюнул и на всякий случай дунул в свисток. Сипяще-кряхтящая трель утонула в остервенело заливающихся звуках клаксонов. Гаишник махнул жезлом и, развернувшись, затопал к напарнику, который уже не курил, а лузгал семечки, присланные тещей из Ставрополя. Дежурство подходило к концу. Пробка заткнулась окончательно. Больше никто никуда двинуться не мог.

Милосердие

Алек, не замечая встречных прохожих, брел вдоль забитой автомобилями улице. Впереди, насколько хватало глаз, простиралась обычная вечерняя московская пробка – часа на два. Горожане возвращались с работы.

– Ну что, Сонечка, – глянул Алек в белое небо, – не встречу я тебя... уж не обессудь. Просто не успею.

О том, что Соня уже вылетела, ему позвонили и сообщили из Штатов этой ночью, и заснуть Алек уже не смог. Нет, Соня была бесконечно далека от института киберфизики и вообще от мира науки, в коем подбирал свои крохи Алек; она занималась, наверное, самым бесполезным делом на свете – благотворительностью.

«Или все-таки полезным?»

Именно после этого ночного звонка Алек вдруг осознал, сколь многие выгоды может принести благотворительность!

Нет, сорить с трудом заработанными деньгами Алек не собирался. Советский Союз кончился, господа! Прощайтесь с ним и с халявой – навсегда! Просто Алек вдруг ясно понял, что благотворительные программы – отличное прикрытие. И, если распорядиться с умом, то и источник заработка, причем весьма неплохого!

Представьте, бороздите вы просторы Интернета и вдруг на вас вываливается несколько баннеров с изуродованными болезнями детскими лицами, оторванными ручками-ножками и врожденными пороками. А дальше призыв: «Спасите детей от противопехотных мин! Международный Благотворительный Фонд собрал уже более ста миллионов долларов и помог 5 322 невинным жертвам бомбардировок в Ираке, Афганистане, Сирии. Спасем детей от насилия. Мы, взрослые, ответственны за этих детишек!» Ну и далее в том же духе. Вышибай слезу да собирай по пять долларов. И если правильно поставить рекламу... в общем, здесь американочка Соня Ковалевская была незаменима.

Алек усмехнулся. Он хорошо помнил дядю Пашу Ковалевского, удравшего в Америку много-много лет назад. Он-то удрал, а папаню Алека затаскали по комиссиям и еще долго затем тыкали носом: «Ваш друг Ковалевский предал Родину! Страна дала ему образование, профессию, ученое звание и степень, а он...»

Отец очень переживал, но по-своему даже одобрял бегство Ковалевского. А вот когда Алек попытался совершить похожий трюк, ему не повезло. Алек поежился: в расчете на содействие он, оставшись в Штатах, первым делом кинулся искать Ковалевских; они могли помочь пристроиться на первое время. Но старые телефоны естественно были отключены, а новых он так и не разыскал.

– А теперь и я вам понадобился... – мурлыкнул Алек. – Что ж, поможем папкиному другу... поможем.

Он вдруг подумал, что все происходит лучше некуда, и если не спешить на помощь Соне со всех ног, а дать ей время поколбаситься в Москве в одиночку, ткнуться носом пару раз до крови... и лишь затем найти, помочь и разъяснить...

– Шелковая станет, – резюмировал Алек, – и наступит у нас эра милосердия... самый настоящий 21-й век...

То, что он только что высказал вслух, Алеку понравилось, и он быстро достал блокнот. Подходящее название для его фонда было где-то рядом. Совсем рядом.

«Милосердие XXI-го века? Нет, провинциально. Милосердие – XXI век? Уже лучше! «Международный фонд милосердия и помощи XXI век».

Алек быстро записал то, что получилось, и схематически подрисовал эмблему: малыш выпускает голубя на фоне земного шара.

«Круто! – подумал Алек. – Тут даже я расплачусь. И тут же расплачусь!»

Два разных ударения на «а» и на «у» давали два разных, однако тесно связанных друг с другом смысла.

Алек рассмеялся и взмахнул руками, напугав встречную женщину неопределенного возраста. Она посторонилась и пропустила странного типа в замызганном плаще и без головного убора. Тот, странно улыбаясь, прошагал мимо. Теперь, когда Алек твердо решил, что Сонечку встречать не следует, у него обнаружилась масса иных, не менее важных дел.

Звонок

Павел Матвеевич прошел из угла в угол и рухнул в кресло. Соня должна была уже не только прилететь в Москву, но даже встретиться с Алеком Кантаровичем! А она все не звонила и не звонила. Павел Матвеевич прикрыл глаза и невольно погрузился в прошлое. Он помнил каждый миг и каждое ее слово.

– Папа! Ты не можешь мне запретить ехать на Родину! Это нарушение моих прав!

Павел Матвеевич слабо улыбнулся. Сонечка обвинила его именно в этом.

– Боже мой! Сонечка! Девочка моя, ты не понимаешь, о чем меня просишь, – пытался объяснить он. – Я бросил все, чтобы ты выросла в другой стране!

– Я и выросла...

В этом Соня была права. С тех пор, как ее сразу после третьего класса вывезли в Штаты, прошло пятнадцать лет. И даже сам Павел Матвеевич, профессор математики в Miami State University, не мог не признать, что Сонечка – человек состоявшийся. У нее уже были позади университет и множество самых различных курсов, а в настоящем – здоровый образ жизни и твердое понимание своих жизненных целей. Отчасти поэтому у нее и не было постоянного бой-френда – большинство из молодых людей просто не успевали за ее темпераментом и безнадёжно отставали в интеллектуальном, духовном и физическом развитии. Одна беда: Соня твердо решила, что ей необходима Россия.

Павел Матвеевич сопротивлялся этому ее решению долго, но, в конце концов, уступил и первым делом набрал номер телефона старого друга. В начале XXI века контакт с иностранцем наконец-то перестал быть опасным для россиянина. И первое, что он узнал, дозвонившись до квартиры Кантаровичей, – его друга Савелия Алексеевича уже нет в живых.

Впрочем, это было хотя и горестное, но вполне ожидаемое известие, – сверстники Павла Матвеевича уходили один за другим, такой уж возраст. Но сын Кантаровича – Алек, вежливый, умный мальчик, коего Павел Матвеевич запомнил по регулярным партиям в шахматы, оказался на месте и готов был помочь.

– Ох, Алек... – вздохнул Павел Матвеевич.

С его точки зрения Алек был еще слишком молод, чтобы доверить ему свою дочь. Хотя... за прошедшие годы при его талантах Алек мог вырасти до руководителя лаборатории или даже заведовать кафедрой. В новой России как раз такие мальчишки и руководили правительством и даже приватизировали страну. Олигархи – и те, как правило, были рождены спустя двадцать лет после войны. А главное, – Павел Матвеевич это прекрасно помнил, – Алек был очень умный мальчик. Одну из трех партий в шахматы он обязательно выигрывал, невзирая на кандидатский разряд Павла Матвеевича.

– Дорогой Алек, поймите меня правильно, – сразу перешел к главному Павел Матвеевич, – у меня единственная дочь, которая вбила себе в голову, что именно в ней нуждается сегодня Россия. Прошу вас, как родного, поговорите с ней. Сориентируйте мою дочь в российской действительности. Подскажите, что и как...

– А что ваша дочь умеет? – заинтересовался молодой Кантарович.

– Она? Она окончила университет в Майами. Математический факультет. Но вместе с этим она больше не по этой части...

– В каком смысле не «по этой части»? – перебил его Алек. – С ней что-то не в порядке?

– Нет-нет! Что вы, Алек! Она в полном порядке. Но она больше увлекается общественной работой, чем профессией. Она член всех возможных общественных организаций и фондов. Спасение каких-то там лесов и снегов. В защиту болот и пустынь и чего-то там еще. Я уж не говорю про детские фонды. Они просто живут у нас в доме. Вот поэтому я и не знаю точно, что ей делать в России. У вас ведь, наверно, даже «Красного Креста» теперь нет?

Ковалевский умолк, но и Алек долго молчал – видно обдумывал услышанное.

– Ну, «Красный Крест» у нас имеется. А вот что у нее с визами? С билетами? С жильем? Разрешение на работу надо делать?

Ковалевский растерялся. Нет, он обрадовался, что Алек так быстро перешел к делу, но ни на один вопрос ответить не мог.

– Я и не знаю. Надо ее спросить.

– Давайте так сделаем. У нас время уже под утро клонится. Я вам сейчас дам е-мейл свой. Пусть ваша Соня мне все напишет, а я ей тут же отвечу. Записывайте.

– Секунду, – он подхватил ручку и клочок бумаги. – Да, я готов.

– Прямо так и пишите. АЛЕК, три семерки, КАНТ. Собака. Мейл. Точка. Ру.

Павел Матвеевич записал малопонятный адрес этого малопонятного Интернета, и его как-то сразу посетили нехорошие предчувствия. Теперь эти предчувствия сбывались, – время шло, а Соня так и не звонила.

«Пора Алеку звонить, – понял Павел Матвеевич, – с его стороны так долго молчать – это уже свинство...»

СВЯЗНОЙ

После восьми вечера Соломину стали поступать доклады.

– Старый в номере... Старый собирается... Старого везут в аэропорт...

И это означало, что главная цель сегодняшнего вечера – профессор Дэвид Кудрофф быстро приближается к своей новой судьбе. А потом поступил сигнал от прослушки.

– Юрьич, – звонил старший смены, – у нас реальный контакт.

– Кто?! С кем?! – судорожно прижал наушники руками Соломин.

– На Кантаровича Штаты вышли...

Соломин присвистнул. Частный предприниматель Алек Кантарович, если верить Черкасову, исполнял функцию важного связующего звена между учеными института и Западом. Однако главные детали этой его функции пока оставались тайной.

– А с кем он говорит, установили? – спросил Соломин.

– Конечно, – отозвался старший смены, – записывайте номер...

Соломин быстро записал длинный ряд цифр, и на его лбу выступил холодный пот. Столь нелюбимый Черкасовым «примазавшийся» к институту предприниматель разговаривал, судя по телефонному номеру, с до сих пор числящимся во всех особых списках невозвращенцем Ковалевским.

– Твою мать... – выдохнул Юрий Юрьевич. Невозвращенец был из этого же института, то есть знал, чем именно здесь занимаются, досконально. – Можешь меня подключить к разговору?

– Нет проблем, – отозвался старший смены, и в наушниках прозвенел голос Кантаровича. Алек обсуждал с «невозвращенцем» приезд в Москву какого-то третьего лица.

– О ком они говорят? – выдохнул Соломин. – Когда прибывает?

– Некая Соня, – отозвался в наушниках старший смены. – Прибыла сегодня, точнее, около получаса назад.

Соломин устало матюгнулся. Ни идентифицировать эту «некую Соню», ни, тем более, прицепить к ней наружку он уже не успевал. В отсутствие «железного занавеса» число приезжающих в Россию стало слишком велико, чтобы контролировать всех. А ему еще предстояло обрабатывать в аэропорту профессора Кудрофф.

– Все пишете? – спросил он.

– Естественно, – с чувством собственного достоинства отозвался старший.

Часть 2 Соня

Незнакомец

На аэровокзале шумел путешествующий люд. Задерживался самолет из Мадрида, снова отменили из-за вечных забастовок работников «Бритиша» рейс на Лондон, выгружался самолет из Стамбула. Посреди гомонящей многоликой толпы стояла аккуратная рыжая девушка. В меру миниатюрная, в меру рыжая. Симпатичная и растерянная. Смешные меховые сапожки, словно две болонки, обвернулись вокруг ее стройных ножек, короткая курточка-пилот, варежки, пришитые к шарфику, повисли на шее. Этот наряд дополняла лохматая шапка-ушанка и розовая сумка с ноутбуком через плечо. Рядом стоял такой же розовый чемодан. Девушка растерянно оглядывалась по сторонам. Видимо, ее никто не встретил. И только местных «бомбил» она остро интересовала.

– Такси, недорого...

Она отрицательно мотала головой в знак отказа, но они все равно подходили и подходили, и даже на свежем воздухе, когда она решила выйти на улицу, легче не стало. На город спускались сумерки, мороз уже пробирался под короткую курточку и сапожки-собачки, и, возможно, не встреченная никем рыженькая пассажирка так и замерзла бы насмерть в московском аэропорту, если бы не случай. В тот самый момент, когда она уже решила расплакаться от накотившего на нее отчаянья, стремительный молодой человек с портфелем через плечо и портфелем в руках чуть не снес ее вместе с чемоданом.

Он выбежал из здания порта, размахивая портфелем и возбужденно обсуждая что-то по телефону. Засмотревшись в сторону, запнулся о розовый багаж девушки, зацепился портфелем за ремень ее ноутбука и описал ногами нечто вроде основного элемента танца «Ча-ча-ча».

– Приношу свои извинения, если вас потревожил! – подхватив практически сбитую с ног девушку, озорно посмотрел на нее мужчина, и, прежде чем она шевельнула замерзшими губками, добавил:

– Я не заметил вашего розового друга на колесиках.

Девушка открыла рот, а он, не дав ей ответить, подхватил ее чемодан.

– Едем? Простите, не привык бросать симпатичных девушек на произвол судьбы в аэропортах.

Девушка смотрела на него вопросительно и пытливо. Он явно был ей симпатичен, хотя вежливые и воспитанные девушки, выросшие на Западе, всегда добродушно улыбаются всем собеседникам.

– А вы кто? – задала она наивный и глупый вопрос.

Молодой человек улыбнулся.

– Я? Пассажир рейса Париж – Москва. Возвращаюсь из командировки. Спешу домой. А еще хочу спасти вас от мороза и приставучих таксистов. Ах да! Меня зовут Артем. Артем Павлов.

Он коротко поклонился.

– Но позвольте и мне узнать, кого я только что чуть не задавил из-за своей неуклюжести. За что еще раз извините!

– А я пассажирка рейса Майами – Цюрих – Москва, – она печально вздохнула. – Меня никто не встретил, хотя вроде бы ждали. Наверное, я что-то неправильно сообщила. – Девушка пожалала плечами: – Со мной всегда так происходит.

Мужчина рассмеялся:

– Значит, вы особенная! Счастливая! А теперь я угадаю, как вас зовут. Хорошо?

– А вы можете? – девушка широко раскрыла глаза и откинула назад лохматую шапку.

Мужчина сосредоточенно кивнул:

– Это сложно, но я могу. Но только после этого вы мне позволите проводить вас до города и убедиться, что вы не остались ночевать на улице. Договорились?

– Хорошо. Договорились, только вы придумали слишком сложное задание. Мне жаль с вами расставаться так быстро. Вы – забавный.

– Мы не ищем легких путей, – Артем улыбнулся, сдвинул брови и смешно стал вращать глазами в разные стороны. Он умел делать этот трюк с детства и часто пугал дворовых мальчишек. Но еще больше пугалась бабушка, искренне верившая, что мальчик может остаться таким навсегда.

Девушка прыснула от смеха и прикрыла варежкой ротик.

– Ближе мысли! Ближе мысли! Ага! Вижу. Читаю по буквам. – Павлов ухватил девушку за руку и закрыл глаза. – Мою новую знакомую огненноволосую, розово-чемоданную, кудряво-сапожковую, лохмато-ушанковую пассажирку зовут... эС, О, эФ, И, Я. Так?

Павлов открыл глаза и в упор посмотрел на Соню. Та была потрясена.

– Вау! Как это вы сделали?

– Секрет! Ну, что? Правильно?

Девушка так же потрясенно кивнула, и Артем, подхватив чемодан, мягко потянул ее в сторону стоянки. Там скучал оставленный на три дня назад «Ягуар».

– Я, кажется, догадываюсь, как вы это сделали... – остановилась Соня и протянула ему варежку, на которой заботливой бабушкиной рукой было вышито ее имя «София».

Павлов рассмеялся:

– А вы сообразительная! Ну, вот мы и пришли. Котенок тут совсем замерз. Давайте погреем. – Он достал ключ и открыл дверцу автомобиля:

– Сонечка, я вам предлагаю пять минут постоять со мной снаружи и поболтать. Если хотите, можем покидаться снежками, правда, здесь в аэропорту каждый снежок – это скорее коктейль Молотова, бомба, керосиновая шашка. Котенок согреется и пустит нас внутрь. Договорились?

Он помахал ключами. Соня кивнула. Ей вообще не хотелось уезжать куда-то. Приятно было поболтать с этим парнем ни о чем. С ним вообще было как-то легко. Артем присел на водительское кресло, быстро завел машину, поставил обдув печки на значок «Н1» и тут же вылез.

– Расскажите мне, зачем вы решили замерзнуть в Москве, вместо того чтобы лежать на пляже Сауф Бич или Фишер Айленда?

– Конечно, расскажу. Я вам теперь обязана!

– Вот и славно! А куда же мы едем?

Вопрос Артема, казалось, застал рыжеволосую Софию врасплох. Она наморщила лобик, потом сконфуженно улыбнулась.

– Если честно, то я не знаю...

Артем сурово покачал головой.

– Так. Ваших друзей, которые вас не встречают, нужно казнить! За головотяпство со взломом. Беспощадно.

София сконфуженно вздохнула, а Павлов вырuling со стоянки, на ходу соображая, куда можно устроить брошенную на произвол судьбы девушку. Можно было бы поселить в квартире родителей...

«Но как к этому отнесется папа?»

Павлов-старший, хотя и предпочитал каждый день ездить на работу из дальнего пригорода, но все же иногда оставался ночевать в московской квартире.

«На худой конец, можно поселить ее в гостинице. Но потянет ли ее бюджет московское гостиничное гостеприимство?»

Артем бросил взгляд на коротенькую курточку Софии, сапожки, смешные рукавички с ее именем и подумал, что прожить ночь в столичном отеле, где ниже трехсот долларов уже и не брали, ей, может быть, и под силу. Но затянись поиск потерявшихся знакомых на двое-трое суток, и пребывание в Москве станет финансовым кошмаром.

«По крайней мере, для нормального человека...»

Досмотр

Соломин прибыл в аэропорт незадолго до профессора Кудрофф. Расставил людей по местам, быстро переговорил с таможней и пограничниками, и когда профессор сдал багаж и встал в очередь на посадку, все было готово.

– Дэвид Кудрофф? – принялась вглядываться симпатичная девушка в переполненный штампами и марками паспорт.

– Да, это я, – улыбнулся профессор.

Девушка растерянно огляделась по сторонам и жестом подозвала парня с детектором в руках.

– Саша, глянь...

Парень глянул в паспорт и озабоченно поднял брови.

– М-да... зови Николая Петровича...

– Что случилось? – забеспокоился профессор.

– Извините, сэр, – вздохнула девушка, – ваш паспорт, похоже, негодный.

– Как так негодный? – удивился профессор. – Неделю назад был годный, а теперь вдруг стал негодный?

Девушка смущенно развела руками. Подошел Николай Петрович – высокий мужчина с умными внимательными глазами, затем профессору предложили пройти «вот сюда», затем ему начали задавать разные вопросы, а спустя четверть часа полковник Соломин уже наблюдал, как лихо потрошат чемоданы багрового от возмущения профессора.

– Это вам с рук не сойдет, – шипел Дэвид Кудрофф, набирая номер за номером.

– Это ваше? – интересовался пограничник, демонстрируя потрепанный томик или очередной предмет профессорского белья.

«Победителей не судят... – как заклинание, твердил Соломин, – победителей не судят...»

Он знал: если сейчас обнаружится хотя бы один, не отраженный в договоре, а значит, запрещенный к вывозу документ института киберфизики, он будет на коне. Потому что именно тогда можно будет начать задавать другие вопросы: и по участию в шпионаже профессора Смирнова, и по роли в деле малозаметного частного предпринимателя Алека Кантаровича, – в общем, много всяких вопросов...

– Это ваше? – доставал очередной предмет пограничник.

«Ни единой бумажки... – тупо констатировал непреложный факт Соломин, – ни единой!» Брать профессора было не за что.

– Юрий Юрьевич, вас к телефону, – подошел помощник.

– Кто?

– МИД. Андрей Андреевич...

Соломин поморщился. Он совершенно точно знал, что сейчас произойдет: ему навтыкают да так что он будет вздрагивать, вспоминая этот день, еще много-много дней.

Пограничник вытащил последний предмет и приподнял чемодан. Тот был пуст. Совершенно пуст.

– Товарищ полковник, – напомнил о звонке из МИДа помощник.

– Стоп, – выставил руку Соломин, – а где договор?

Шесть часов назад в этом самом чемодане лежал сверхважный для обеих сторон договор с Институтом киберфизики. Теперь не было даже его.

Иммигрант

Алек добрел до проходной Института кибернетической физики уже к началу ночи. Вообще-то, Алек имел привычку приходить на работу в два часа дня. Зато покидал он рабочее место тоже не ранее двух часов пополуночи. Эта привычка у Кантаровича выработалась со времени учебы. Начиная с первого курса, он всегда прогуливал первые пары, пользуясь тем, что отец вел основной профилирующий предмет – математическую физику, и разговоры на тему посещаемости и успеваемости в деканате заканчивались в пользу Алека.

Впрочем, несмотря на постоянные пропуски и прогулы он, действительно, был одним из лучших студентов института. Но вот эти его ночные бдения доставляли ему особое удовольствие потому, что именно в эти часы он чувствовал себя Властелином Мира. Он царил над спящими президентами, министрами и академиками. Он думал за всех мудрецов, видящих сладкие или тревожные сны. Он строил планы завоевания мира...

– Куда прешься!!! – заорали из окошка авто, и замечтавшийся Алек отскочил.

Из-за шлагбаума одна за другой выезжали машины запоздало окончивших трудовой день сотрудников, и лишь один Алек стремился внутрь. И это не было чьей-то злой волей или приказом начальства; сколько он себя помнил, Алек Савельевич Кантарович сам решал, как ему поступать.

– Да-да, только сам, – пробормотал Алек.

Он вообще всю жизнь старался быть независимым, вот только независимость давали лишь две вещи: власть и деньги, а в Советском Союзе получить власть, не вступая в компартию и не участвуя в общественно-политической жизни государства, было невозможно. То есть, варианты, конечно, были. Например, можно было родиться в семье партбосса союзного масштаба или хотя бы войти в его семью на правах зятя.

Алек с юности относился к такому варианту очень серьезно и даже попробовал высчитать, какая из одноклассниц может в итоге привести его к заветным высотам. Он даже пошел на преступление! Втихаря выкрал из учительской журнал, где были записаны все родители одноклассников, и – о ужас! – у большинства одноклассниц отцов либо вовсе не оказалось, либо – в самом лучшем случае – они работали главными инженерами каких-то невнятных «ящиков». Так что самым высокопоставленным среди отцов девочек оказался папа Нади Спиридоновой – парторг автобазы.

Алек сжег журнал в ближайшем скверике. С выгодной женитьбой явно не складывалось. Нет, он все же приударил за Надькой. Она, обделенная вниманием мальчиков по причине высокого роста, готова была на многое, а уж потискаться в лифте или подъезде Алеку перепало регулярно. Но главных задач – вхождения во власть или сколачивания капитала – это не решало, а Кантарович мечтал стать миллионером, причем настоящим, долларовым.

Алек перепробовал множество способов – вплоть до торговли кассетами, шмотками и даже ворованными на подмосковных складах сигаретами. Конечно, узнай о таких приработках пионера Кантаровича его пионервожатая, он моментально бы лишился и галстука и учебы. Но он был не глупым мальчиком и выделялся не только тем, что, несмотря на издевательства одноклассников, продолжал дружить с Надей Спиридоновой, но и тем, что учился на пятерки, нормы ГТО сдавал на «отлично», а все общественные нагрузки нес безропотно. Собственно, лишь поэтому, когда в школу приехал участковый со сторожем автобазы опознавать мальчика, который утащил через забор запчасти из вскрытого склада, он не узнал Алека и прошел мимо аккуратно причесанного на прямой пробор пионера в отглаженном школьном костюмчике.

Нет, Алек так и не стал зятем парторга автобазы Спиридонова, – Надя осталась одна, едва забеременела – сразу после выпускного. Ясно, что Алек, как честный человек, взял на себя расходы, то есть заплатил за аборт двадцать пять рублей, и сразу же прямо объявил Наде о

разрыве отношений. А затем был физико-технический институт, куда его заставил пойти отец, профессор физики – аспирантура и наконец-то – после бесчисленных проверок и согласований – поездка по обмену в США. Там Алек и остался.

Времена настали новые, и никто не стал заводить дел, рвать волосы и требовать наказания для сбежавшего аспиранта. В Америке же Алек окончательно убедился, что все самые крупные капиталы заработаны самым бесчестным путем. Именно так, как утверждали его кумиры И.Ильф и Е.Петров в бессмертном произведении «Золотой теленок». И именно тогда иллюзии были им окончательно утрачены, он увидел жизнь, как она есть: огромная пирамида наживы, и он – маленький бедный человечек в самом ее низу.

– А это неправильно, – пробубнил под нос Алек и, повернув ключ, толкнул дверь и оказался у себя, на огромном институтском чердаке.

Запустил компьютер и тут же дистанционно просмотрел приходившие на его домашний телефон звонки. Прежде чем сообразить позвонить на сотовый, Павел Матвеевич звонил ему из Штатов на домашний целых восемь раз! А вот его дочь, два часа назад как прибывшая в Москву Соня Ковалевская, так и не объявлялась.

«Не попала бы в серьезную беду...» – встревожился Алек; ему лишние расходы на выкупы и отмазки были ни к чему. Но тут уже он поделать ничего не мог: Сонечка определенно была душой. Только ведь дура могла сменить сытое и безопасное существование Там на полную неизвестность Здесь. Алек добровольно в Россию не вернулся б – ни за какие коврижки.

«А пришлось...»

НЬЮТОН

История возвращения Алека в Россию не была в числе его любимых, ибо поднимался он здесь долго и с трудом. И первым делом запустил срочное производство визиток и бланков. Три компьютера, два принтера, один бэушный ксерокс и два студента-вечерника из его же института давали ему неплохую денежную прибавку. Плюс ко всему вскоре появились знакомые полиграфисты, которым он таскал заказы на фирменную продукцию для новых русских бизнесменов. И, в конце концов, он отыскал ходы в регистрационную палату, где за два часа ему выправили документы на издательско-полиграфическую фирму – «Издательство «Научная мысль XXI век».

Первым делом после регистрации он обратился к лучшему другу отца Илье Иосифовичу Рунге, вице-президенту Академии наук. Захватив по дороге в одном из первых валютных магазинов на Арбате приличный коньяк, дорогих сигар и отличный немецкий окорок, Алек весь вечер охмурял старика и убедил-таки, что спасение российской науки в руках самих научных руководителей.

Уже утром был подписан договор о совместной деятельности между издательством Алека и Академией наук. И в полном соответствии с этим договором, Алек стал единовластным хозяином всех накопленных многими поколениями ученых России и СССР научных знаний, облеченных в печатную форму с помощью издательства-монополиста «Научная мысль. XXI век».

Алек удовлетворенно рассмеялся. Столь удачно подписав договор, он выбил себе и право создать небольшой офис на чердаке здания института. Прежде помещение использовалось как склад ненужных бумаг и материалов, и когда Кантарович занялся разборкой архивных завалов, он извлек из этого колоссальную пользу.

Первой находкой стали дореволюционные работы русских ученых, которые печатались в практически нетронутой подборке всех номеров с 1820 года ежемесячного журнала с наивным названием: «Новый магазин естественной истории, физики, химии и сведений экономических под редакцией И.А. Двигубского». Алек полистал некоторые публикации и заскучал. Пожалуй, основную ценность представляли эти работы не для физиков, а для теологов, ибо такого масштабного морализирования он не встречал даже в сугубо религиозных изданиях.

«Общая рассуждения о природе и об удовольствиях, почерпаемых в созерцании ее творений», – читал он презабавный титул статейки, обнаруженной в одном из первых номеров.

«Некоторые мысли о жизненном движении в человеке, животных и растениях», «О телах органических», – обнаружил он своеобразное продолжение под заголовком в следующем номере.

«Природа ничто иное есть, как высочайшая Воля Божия», – преодолевая рвотные позывы, читал он в третьем журнале.

«Вселенная одушевляется божественным могуществом, всеобщим Духом жизни, проникшим во все ее части, которые Им единственно существуют, движутся и живут», – безапелляционно заявлялось следующим нравоучением.

А когда он, наконец, начал сваливать все это в коробку для мусора, обнаружились две книги в сафьяновом переплете. Алек вытянул пухленькие томики и прочитал английские названия: «Математические начала натуральной философии», Лондон, 1687 год и «Оптика», Лондон, 1704 год. Он до сих пор помнил охвативший его озноб. Вот этим, «унаследованным» от Института кибернетической физики книгам, похоже, и впрямь не было цены...

Алек выглянул в окно и окинул взглядом огромный двор института. Разумеется, книгам была цена. Как и всему, чего достигал его взгляд. Единственное, чему и впрямь не было цены, был он сам – Алек Савельевич Кантарович.

Это и впрямь было так, прежде всего, потому, что Алек превосходно умел заглянуть в суть. По мере того, как Алек втягивался в работу института, он все лучше понимал, что здесь происходит. Он уже различал группировки внутри коллектива и довольно быстро вычислил их негласных лидеров. К одним из самых ярких, например, вопреки своей масляно-колобковой наружности, относился профессор Смирнов. Алек любил захаживать к нему, принося с собой то коробку шотландских бисквитов, то бутылочку коньяка тридцатилетней выдержки. При этом шутил:

– Николай Иванович, по кораблю и фарватер. Вы более тридцати лет на этом посту, вам и коньяк пить тридцатилетний.

– Ах, Алек! Вы, как всегда, элегантны и учтивы. Смотрите, а то прознает об этом Рунге. – Смирнов шутиливо грозил пальцем молодому коммерсанту. А тот охотно подыгрывал, изображая испуг:

– Ой! Николай Иванович, не губите! – и тут же хитро добавлял: – Не губите мой бюджет! Где же я найду коньяк столетней выдержки?

И оба радостно хохотали. Возраст Вице-президента Академии наук, который считался почетным ректором института, всегда был предметом особых насмешек. Впрочем, как и его опрометчивая последняя женитьба на молоденькой, и его привычка везде ходить в бабочке и беретке. А между тем, Николай Иванович был очень толковым ученым, и не зря уже в тридцать один год был лауреатом государственной премии. Да, премия эта в еще не развалившемся СССР была одна из последних, но диплом гордо украшал потрескавшуюся стену его рабочего кабинета.

Постепенно Алек нашел подход ко всем ведущим ученым института – вполне заслуженно. В считанные месяцы он издал около двух десятков книг профессоров НИИ и заработал репутацию благодетеля, который превращает годами наработанные умственные мозоли в живые бумажные деньги, на которые можно купить хорошую еду, прекрасную выпивку, путевку в Сочи, компьютер, наконец. Ну, а профессор Смирнов, поставивший рекорд по изданным в конторе «Научная мысль XXI век» работам, умудрился даже купить автомобиль. Не новый, но все еще прекрасный «Вольво 240». Плюс, именно ему выпало счастье попасть в загранкомандировку в Англию. Вот уже действительно, «деньги к деньгам».

Единственный человек в институте, так и оставшийся тормозом прогресса, – вероятно, в силу полной неспособности к творчеству, – был Борис Черкасов, полковник действующего резерва госбезопасности и проректор по режиму. Нет, особых проблем он Алеку не доставлял, но от профессионально тяжелого взгляда Черкасова у Алека порою подкашивались ноги. Он пронизывал его как меч на известной эмблеме, – Кантарович чувствовал это просто физически!

Алек зло усмехнулся. Зам по режиму замечательно принимал подношения издателя, большей частью спиртосодержащие, но делал это с видом большого одолжения! – мол, так и быть возьму твою бутылку, чтоб не выбрасывать. При таком отношении к нему человека, дающего (или не дающего) «добро» на публикации, Алек чувствовал себя, как на сковородке.

Ситуация осложнялась тем, что Смирнов как раз предложил Кантаровичу переиздать свой некогда секретный учебник 1972 года, с которого началась его серьезная карьера ученого-физика в области строения ракетных двигателей на твердом топливе. Да, темы, описанные в книге, были явно устаревшими, но Алек тут же ухватился за эту идею. Ему очень нужен был старт, с которого началась бы по-настоящему масштабная работа, действительно серьезный бизнес!

Вот только на пути к этому постоянно возникал Борис Васильевич Черкасов.

СЫНОК

Когда Артем привез Соню к себе домой, был уже двенадцатый час ночи. Звонить и выяснять, почему некий Алек Кантарович не встретил человека, было попросту поздно. А потому он, быстро переодевшись, накормив и напоив чаем Соню, сослался на срочную работу и уехал в офис. Здесь все было приспособлено под круглосуточную деятельность, включая огромный мягкий диван для отдыха.

Ночь перевалила за середину, а Артем, проживший последние три дня в Париже еще не хотел спать. Он разбирал бумаги по делу известного продюсера, недавно застреленного на пороге собственного дома, и документы известного французского антиквара, которые привез с собой из поездки. В половине первого ночи раздался телефонный звонок на его личный кабинетный телефон. Он удивился, но ответил:

– Слушаю.

– Сынок, ты уже вернулся или еще не уезжал?

Артем улыбнулся: папа, как всегда, был лаконичен и столь же ироничен.

– Я уже вернулся, пап. Но и еще не уехал, – Артем никогда не уступал отцу в ёрничаньи. – Что случилось?

– Ничего не случилось. А что, отец не имеет права позвонить пропавшему сыну? Ты уехал и ничего не сказал ни маме, ни мне. Звоним домой. Отвечает какая-то Софья Ковалевская... С ума сойти! А Веры Засулич у тебя еще не появилось случаем? Дорогой мой, в прямом смысле, сынок?

– Отец. Это моя хорошая знакомая из Америки. У нее не получилось с гостиницей, и я предложил ей свой кров. Разве не так ты учил меня?

Артем любил отвечать отцу его же собственными когда-то втолкованными истинами и нравоучениями. Надо отметить, что ничего кроме пользы, они ему в жизни не принесли.

– Угу. Кров, любовь, морков... – заворчал отец, – ну это твое дело. Мальчик вырос. Ты лучше скажи, давно ли внука моего видел? А то у вас, Артемий Андреевич, все Париж. А есть, сын мой, и другие города. И люди. Когда был у Любы?

Отец редко интересовался делами бывшей и единственной жены Артема, которая уже больше десяти лет жила в Кембридже, где преподавала русскую литературу, а их общий и тоже единственный сын Антон учился там же в колледже. Но регулярно летом Андрей Андреевич требовал привезти внука хотя бы на месяц в Москву, где сам водил его по музеям, театрам и выставкам. Жил с ним на даче, где учил удить рыбу, ухаживать за пчелами, добывать мед, собирать грибы и даже строить дом.

Мальчишка очень любил эти летние вылазки и ждал их с нетерпением, чем вызывал заслуженную ревность бабушки и дедушки с материнской стороны. Отец Любы, отставной генерал армии, бывший всемогущий первый заместитель председателя КГБ СССР не умел строить дома и добывать мед и имел сварливый нрав, поэтому Антошку тянуло к деду-дипломату. Этот дед трудился до сих пор в МИДе, начальником управления, и каждый день грозился вот-вот уйти на пенсию, но все оттягивал и оттягивал этот приятный для многих подчиненных момент.

– Ну, так что? – напомнил о себе отец.

Артем смутился. Он действительно снова закрутился и не проведал сына.

– Я... месяц назад был. Пап, ну, что ты давишь на большую мозоль. Ты же знаешь... – Артем начал сердиться, и отец, настоящий дипломат, почувствовав недовольство сына, сменил интонацию.

– Ну-ну. Не горячись. Ты знаешь, как мы любим и тебя, и Антошку, и Любочку. Родители волнуются. Это естественно. Вот родит тебе сынок внуку, тогда поймешь!

– Пап! Я еще сам могу нарожать себе родственников. Что ж ты меня в деды записываешь? – засмеялся Артем.

Отец ответил тоже легким смешком. Но тут же перешел на серьезный тон:

– Хорошо, хорошо, сынуля. Я вот что тебе звоню... ты Юру Соломина помнишь?

– Конечно! – обрадовался Артем. – Он что, тебе позвонил?!

Они расстались с Юркой очень давно.

– Не совсем, – как-то печально произнес отец, – просто по службе пересеклись. Юра сейчас в Москве, и это не отпуск... впрочем, думаю, он сам тебе позвонит...

Артем, не веря тому, что слышит, покачал головой.

– В Москве... надо же!

Юра Соломин шел вверх на диво хорошо, как по рельсам... и то, что он после стольких лет в Лондоне вернулся-таки в Москву, означало одно: Юру повысили, и крепко!

«Позвонить самому?»

Артем вовсе не был уверен, что Юра не изменил своих приоритетов. Теперь знакомство с Павловыми могло для него, определенно достигшего нового, более высокого положения, оказаться в тягость.

– Да, папа, – признал он, что отец в очередной раз прав, – лучше, если Юра позвонит сам.

Ошибка

Соломин уходил из кабинета далеко за полночь – последним и весьма подавленным: дело, обещавшее быстрые дивиденды, провалилось... и с треском. Профессор Столичного лондонского университета Дэвид Кудрофф оказался достаточно умен, чтобы не брать с собой никаких бумаг вообще. Надо полагать, сейчас и договор, и иные, возможно, противозаконно вывозимые документы, идут себе с консульской почтой – безо всякой опаски...

– Козлы...

Ясное дело, что Кудрофф, едва его начали шмонать, тут же наябедничал в британское консульство, те сообщили о своих претензиях в МИД, мидовцы, а точнее, Андрей Андреевич Павлов с помощниками первым делом убедились, что Соломин ничьим разрешением не заручился и действует на собственный страх и риск...

– Блин... – почесал голову Соломин. – Ну, я попал...

Разнос, который он получил, был абсолютно заработанным и совершенно ураганным по интенсивности. Так плотно его не укатывали в грунт уже давно. И все-таки Соломин понимал, что в чем-то главном он прав! На его правоту указывали, в частности, предпринятые профессором меры предосторожности. Опытный разведчик наверняка взял бы договор с собой – специально, дабы продемонстрировать легальность своих поступков, но Кудрофф чувствовал себя виновным и боялся... слишком боялся.

Соломин закрыл кабинет на ключ и двинулся вниз по лестнице. Теперь ему предстояла тяжелая, кропотливая работа по выявлению контактов всех попавших в поле зрения лиц, и в центре стоял Алек Савельевич Кантарович.

Соломин улыбнулся и прокашлялся. Он вовсе не разделял подозрений Черкасова в адрес этого молодого человека. Однако вокруг Алека определенно что-то происходило, и эти его контакты с границей, в частности со Штатами, откуда столь неожиданно для всех он вернулся, наводили на мысли.

«Что ж, прослушку мы поставили, теперь будем ждать...»

Опытный разведчик полковник Соломин имел основания полагать, что под видом безобидного туриста, или студента по обмену, или вообще какого-либо экзотического персонажа типа индийского гуру Москву однажды посетит и настоящий курьер. Человек, призванный к одному: вывезти секретные разработки института киберфизики. И первым, на кого он выйдет, будет Алек Кантарович.

Сон

Это был сон из детства, еще с тех времен, когда отец пытался объяснить, почему он так и не вернулся в Москву. Догоняющий их большой черный пес пытался схватить Соню за руку, но она не отпускала руки отца, а он все бежал вперед и вперед к спасительному свету в конце подземного перехода. Но на этот раз проклятый волкодав изловчился и впился в ее запястье. Она вскрикнула, и тотчас в глаза ударил свет. Яркий, закрывающий и поглощающий все сущее. Глазам было нестерпимо больно смотреть на это божественной силы свечение. Она поморщилась и попыталась открыть глаза, но свет был слишком ярким.

Тогда она решила обмануть его и прикрыла глаза ладошкой, как делают маленькие дети, которым запрещают смотреть на солнце, чтобы не ослепнуть, а им очень хочется. Ты закрываешь глаза ладошкой и делаешь маленькую-маленькую дырочку меж пальцев. И через эту щелку можешь увидеть солнце – большое, яркое и теплое. И когда это удастся, ты чувствуешь себя волшебником, обманувшим само солнце.

Почти проснувшаяся Соня потянулась и вдруг почувствовала, что пес по-прежнему держит ее левую руку в своей страшной зубастой пасти. Она потянула руку, но та не поддавалась. Было больно. Вся еще во власти иллюзий Морфея, боясь посмотреть налево, она прищурилась, как ребенок, чтобы страх не набросился сразу и его можно было побороть, и медленно приоткрыла глаза.

Пес действительно захватил ее руку, и та сильно горела и распухла. Но этим страшным, черным и зубастым псом оказалась чугунная батарея старой арбатской квартиры. Рука не хотела вылезать из межбатарейного плена.

– О нет...

Соня потянулась к предусмотрительно врезанному вентилю и, завернув его до отказа, немедленно уменьшила подачу горячей воды. Расслабив руку, резко дернула ее, охнула и признала поражение. Чугунные зубища-секции батареи не выпускали.

– И что теперь делать?

Можно было, конечно, дождаться конца отопительного сезона, когда придут сантехники, снимут батарею и отвезут их вдвоем в клинику.

«Позвонить в службу 911?»

Что-то подсказывало Софье, что такой службы в Москве попросту нет.

Она огляделась, оценила свое положение в чужой квартире и застонала. До зеркала не достать, до одежды не дотянуться, а значит, и в порядок себя не привести. Но рано или поздно хозяин квартиры придет, и что он увидит?

– М-да...

Соня мысленно перебрала в памяти все, что произошло накануне. Долгий перелет через Цюрих из Майами в Москву. Ожидание и неизвестность на аэровокзале. Встреча с молодым приятным, но слишком уж активным мужчиной. Он подхватил ее вещи, сначала чуть окончательно не раздавив, привез в какую-то квартиру, где-то в центре Москвы. Как же его звали?

Соня тряхнула головой; она почему-то совершенно упустила его имя. Кажется Артур? Или Антон? Или Андрей? Нет-нет как-то Ар... Арт... Ах, да! Точно Артем!

Она улыбнулась. В Америке это имя ей не встречалось, но именно так звали мальчика из далекого московского детства, который ходил с ней в одну группу детского сада и даже подарил стеклянные шарики. Этот Артем ничего не подарил, а оставил одну в пустой квартире. Правда, прежде напоил вкусным чаем с пирожными. Да, они заезжали за пирожными, кажется, в «Прагу». Красивый такой дом в классическом стиле. Он принес целую коробку. И Соня незаметно съела почти все.

«Будешь отрабатывать свое обжорство в спортзале», – усмехнулась она, представив, сколько калорий было в этих «эклерах». Не теряя времени, решительно сползла с кровати на пол и принялась качать пресс. Потом стала изображать велосипед, окончательно превратив свой плен в импровизированный спортзал. И лишь когда в прихожей загремели ключами, Соня подтянула выглядывающие из пижамы босые ноги поближе к себе и уставилась на дверь.

Пи́ла

Катерина открыла дверь, вошла и сразу же поняла, о какой такой гостье предупредил ее, специально позвонив поутру, Артемий Андреевич.

– Эй! Кто-нибудь там есть? Помогите! – донеслось из спальни.

Голос звучал тонко и жалостливо.

– Ой! Ну, кто-нибудь, отзовитесь! Я же слышу – вы там. Пожалуйста.

Катерина хмыкнула и решительно толкнула дверь. Гостья – рыжая взлохмаченная девица в одной пижаме – лежала на полу, рядом с батареей центрального отопления.

«Ох уж эти американские штучки!»

– Вы кто? Соня?

– Да. Я – Соня, – шмыгнула носом рыжая «штучка», – а вас как зовут?

– Меня зовут Катя. Екатерина, – сухо представилась Катерина.

– Приятно познакомиться, – вежливо отозвалась «штучка», – а вы не могли бы мне помочь?

Катерина насторожилась.

– Чем?

– Да, я вот... тут застряла... Понимаете?

Рыжая «штучка» подергала левой рукой и показала на нее свободной правой.

Катерина вскинула брови.

– А зачем же вы залезли в батарею?

– Я? Я не залезала... она... оно само... – понесла несуразицу «штучка».

Катерина осторожно приблизилась. Подобранная шефом на каком-то вокзале американка в пижаме и впрямь застряла рукой меж секций батареи – самым нелепым образом.

«Хорошо еще догадалась горячую воду перекрыть...» – отметила Катерина. Однако ожог был уже заметен, а рука припухла.

– Можете? – потянула за обожженную руку Катерина, и гостья шефа мгновенно напряглась.

«Нет, не получается...»

Катя вышла из комнаты, прошла на кухню, достала из шкафа бутылку оливкового масла, обошла распятую на полу гостью со стороны головы и присела. Щедро смазала руку маслом и торжественно загремела металлом.

– Приготовьтесь к операции.

– Что?!

Катерина вытащила из-за спины зубастую ножовку.

– С рукой прощайтесь, говорю... ну, и глаза лучше закройте...

И провела ножовкой по батарее.

Гостья завизжала, и уже в следующее мгновение отбивалась от домработницы обеими, совершенно свободными руками.

– Да... самый целительный в таких случаях фильм – это «Техасская резня бензопилой»! – рассмеялась Катерина. – Потому что видели его все.

Список

Борис Черкасов с утра был не в настроении. Во-первых, после каждого телефонного разговора с Соломиным ему становилось ясно, как много он потерял... и все только потому, что в Кремле в очередной раз поменялась сексуальная ориентация. Во-вторых, вчерашняя четвертинка была не последней, и он добавил еще и получил очередную бессонную ночь, прошедшую в перебранке с женой, уговаривавшей его бросить пить, закодироваться, и сменить работу. И, конечно же, ни того, ни другого Борис делать не собирался. Работа ему даже нравилась, и он все больше чувствовал себя востребованным, а пил... ну пил просто потому что пил. В конце концов, это не бабье дело указывать мужчине, что делать!

Он вздохнул и потянулся за бутылкой коньяка, которая дежурила в тумбе стола. Он всегда держал ее на пожарный случай. Сейчас был именно тот самый случай, а трубы, как говорится, горели с утра пораньше. Но едва он вытянул бутылку из укрытия, как в дверь постучали, и раздосадованный Борис вернул дежурную бутылку на место.

– Входите!

Дверь отворилась, и на пороге возник не так давно появившись в институте и уже совершенно доставший Черкасова своей торговой жилкой коммерсант-издатель Алек Кантарович.

«Принесла нелегкая», – подумал Борис и кисло кивнул.

– Входи. Чего тебе?

Черкасов не считал нужным говорить этому сопляку «вы» и намеренно «тыкал» ему, заодно указывая, где его место в институте. Но главное, теперь, когда он достаточно четко указал Юре Соломину главного «козла в огороде», все еще не посаженный в камеру Кантарович откровенно раздражал его.

– Здравствуйте, Борис Васильевич.

– И ты не хворай. Зачем пришел? – повторил раздраженно Черкасов.

Гость уже видел, что зашел не вовремя, но не отступил.

– Борис Васильевич, я, наверное, не вовремя. Но у меня короткий вопрос.

Черкасов высокомерно кивнул.

– Если короткий, то валяй!

– Мы поставили в план некоторые новые издания на следующие три квартала.

– И?

Черкасов демонстративно уставился на прыщ, выскочивший у Алека на носу и тщательно замазанный маскирующим гримом.

«Вот баба!»

Алек смутился; он явно не знал, как отвести этот зубодробящий взор чекистского оптического прицела, и от напряжения даже икнул.

– Ой! То есть я хотел сказать, что принес вам список. Можно заверить?

– Список? – поднял брови Черкасов и кивнул на свой стол. – Ну, раз принес, выкладывай.

Кантарович придвинулся, явно смущаясь, положил перед ним папочку с тесемочными завязками и, так же неясно чего смущаясь, отступил назад.

Борис видел, что Алек, по слухам уже начавший зарабатывать весьма и весьма приличные барыши на издательстве, сэкономил на всем: покупал самые дешевые картонные папки, использовал самую низкокачественную бумагу, и даже скрепки у него были мало того, что железные, так еще и ржавые. При этом одевался он с иголочки.

Черкасов поморщился и развязал веревки. Выложил листы и попытался сосредоточиться. Это получилось не вполне четко. Тогда он решил довести начатый процесс до логического завершения и повернулся к Алеку.

– Так. Давай ты сейчас погуляешь полчаса, а потом зайдешь ко мне. Я посмотрю список и скажу тебе все, что думаю по этому поводу.

Кантарович забеспокоился.

– Борис Васильевич, только мне нужно обязательно не позже...

– Ишь, ты! – Черкасов скорчил старческую рожу и шутовски зашепелявил. – Куда торописся, милый?

Алек смутился и тут же через силу, словно извиняясь, улыбнулся:

– Да в типографию нужно ехать. Сами понимаете, работа.

Вышло это так униженно, что Черкасов оживился.

– Ага. Понимаю. А я, значит, тут зря свой хлеб ем? Так получается, по-твоему?

– Да нет, что вы... – начал было Алек, но Черкасов уже поднимался из-за стола.

– А ну! Кру-гом!!! Шагом! Арш!!!

Кантарович пулей вылетел в коридор, едва не сбив спешившую к Черкасову секретаршу ректора, и Черкасов удовлетворенно рассмеялся, а жизнь на мгновение стала ярче и осмысленнее.

– Как я его! Еще годик, и он, даже если его не посадят, от пола у меня отжиматься будет!

Плевок

Едва не сбитая Кантаровичем секретарша взвизгнула и отскочила, и он окинул ее злобным взглядом, но нахамить не посмел.

– Здрсте! – выщедил сквозь зубы. – Тороплюсь, извините, уж.

Алек ненавидел всех: и Черкасова, и этот институт, и эту страну. Выходки зама по режиму его и раздражали, и еще больше унижали. Порой он еле сдерживался, чтобы не сказать ему что-нибудь очень дерзкое и даже оскорбительное.

«Ну, ничего, придет время, и ты заплачешь... – бубнил он под нос, – кровавыми слезами. Дай только срок. Вашей конторе вообще – день-два существовать. Всех вас изведем под корень. Вон как в Эстонии и Литве. Ответите за все, кровопийцы...»

Однако, погуляв, как было сказано, полчаса, Кантарович снова был в кабинете Черкасова. От того приятно пахло коньяком и лимоном. Настроение заместителя ректора по режиму заметно улучшилось, а в стальном взгляде бесцветных глаз заиграли искорки сознания. Алек, уже перебравший все мыслимые способы расправы над ненавистным чекистом и остановившийся на проклятье, вытащил и аккуратно поставил на стол очередные пол-литра «Хеннеси».

Черкасов криво усмехнулся, ловко подхватил бутылку за горлышко и вдруг подбросил ее высоко-высоко, под самый потолок. Алек вжался в стену и зажмурился. Однако ничего не произошло. Черкасов подхватил вращающуюся бутылку на лету и, продолжая траекторию полета, сунул ее в стол и захлопнул дверку.

– Чего прищурился? Садись.

Он явно смягчился с момента их расставания и явно не от съеденного лимона.

– Ссспасибо, – голос Алека предательски дрожал.

Он присел в потрескавшееся кресло у стола, а Черкасов повернул и подтолкнул к нему папку из дешевого картона.

– Держи свой план.

Алек, затаив дыхание, открыл папку, и его затрясло от негодования.

– Но здесь же половина вычеркнута...

Почти половина тем и названий были размашисто перечеркнуты красным карандашом с какими-то пометками. От плана издательства оставался куцый огрызок из никчемных устаревших учебников.

– Где ж – половина? Ты что, ослеп, Кантарович? – размашисто провел рукой над папкой зам по режиму. – Гляди, сплошной полет ученой мысли! Печатай на здоровье!

Алек шумно глотнул, а Черкасов развалился в кресле. Ему определенно нравилось демонстрировать свою власть, и сейчас он просто показывал, кто в институте решает, какие учебники печатать, а какие – нет.

– Вы, Борис Васильевич... вы, – Алек перебрал все подходившие к случаю слова, и не матерным было только одно, – вы – ретроград!

Черкасов подался вперед, упер здоровенные кулаки в стол.

– Кто-о-о-о? Я тебе покажу реет-ро-град! Ты у меня вообще вылетишь из института. Коммерсант, твою мать! Где ты был со своей коммерцией, когда я кровь проливал!? А?

Алек, уже понявший, что дальше будет лишь хуже, постарался смягчить свой выпад. Он улыбнулся жалкой, насколько смог, улыбкой и заставил себя посмотреть в налившися кровью глаза чекиста.

– Простите, Борис Васильевич. Вырвалось. Я не хотел вас обидеть. Но и вы меня поймите.

Наступила пауза, долгая, затяжная, и, наконец, Черкасов с презрением покачал головой и плюнул под стол – в корзину для бумаг.

– Тьфу-ты, тля! Вот хотел хоть раз намылить тебе шею. Нет же! Снова ты выскользнул! Ух, Канторович, поганое семя! Скользкий ты, как жаба во время случки.

Алек стоял перед ним, стиснув зубы. Он не мог допустить, чтобы столь тщательно подготовленный план издательства был сорван прихотью этого мужлана, однако возражать ему сейчас было бы неумно.

– Ладно, не гоношись, Алек Моисеевич, – то ли примирительно, то ли равнодушно махнул рукой Черкасов.

Алек вспыхнул.

– Но я не Моисеевич, извините. Я...

Черкасов опустил огромный кулак на стол.

– Все вы Моисеевичи! Живи, короче, пока. Но темы секретные не трожь! Не твоего пархатого ума дело! Понял?

Алек опустил глаза.

– Понял.

Затем, не поворачиваясь, попятился, нащупал дверь, открыл и кое-как вывалился в коридор. Закрыл дверь и огляделся по сторонам. В коридоре никого не было. Алек вобрал воздух в грудь, на мгновение замер и с чувством, смачно харкнул на дверь. Впрочем, тут же испугался и быстро-быстро размазал рукой плевков. И не успел Черкасов прислушаться к странным звукам за дверью, как Алек уже мчался в приемную ректора Рунге – аж, через три ступеньки.

Гений

Вице-президент Академии наук и ректор Института кибернетической физики Илья Иосифович Рунге раскладывал на столе платежные ведомости, хотя вовсе и не ректорским делом было распределять премии и гонорары за напечатанные в издательстве работы его сотрудников. С недавних пор у терпящего системный крах Института при почти полном отсутствии бюджетного финансирования появились собственные источники и статьи дохода. Прежде всего, это произошло из-за лоббирования интересов коммерсантов, готовых на определенных условиях участвовать в научных программах, – из тех, кто еще верил в российскую науку и ее будущее, и из тех, кто вовсе в нее не верил, но готов был конвертировать уже заработанный научный капитал в твердую валюту. Приходилось считаться с первыми и мириться со вторыми.

Илья Иосифович поправил по очереди беретку, очки, галстук и почесал седую академическую бородку. Доходы от самостоятельной хозяйственной деятельности вовсе не росли, как хотелось бы, они скорее скакали как блошки. Но подскакивали все реже и реже и все ниже и ниже. В двери появилась секретарь.

– Илья Иосифович, к вам просится Кантарович.

Рунге посмотрел поверх очков на девушку и пожевал воздух вставными челюстями.

– Ну-ну. Приглашайте. И вот что... сделайте мне... нет, нам чайку. Гостю можно без сахара. А мне положите и размешайте три... нет, два куска, – академик Рунге тоже не отличался расточительностью.

Через минуту секретарь внесла два стакана чая. Один хрустальный в серебряном подстаканнике, другой – обычный с алюминиевой ложкой внутри, но без сахара. Вслед за ней в кабинет просочился и взволнованный Алек Кантарович. Он почтительно поклонился и тут же подсел к столу. Положил на стол папочку с бумагами и затараторил, не давая старику перевести дух.

– Илья Иосифович, доброго здоровья! Скажу вам честно и откровенно, это просто гениально. Ге-ни-аль-но! Ваша работа – украшение науки!

Рунге растерялся; последний свой труд он опубликовал в конце 1982 года. С тех пор так и не сподобился.

– О чем вы? – заинтересованно прокряхтел он. – Какая работа?..

– Как же, Илья Иосифович? – поднял брови Кантарович. – Ваш труд по охлаждению ракетных двигателей!

Рунге закряхтел и пожевал воздух. Новый зубной протез никак не хотел вставать на место и все еще притирался к челюстям. Он чмокнул.

– Да-да. Как же, как же. Помню. Ах, если бы не смерть вождя... – он мечтательно закатил глаза.

– Вождя?

Ректор вздохнул, оглядел кабинет и обнаружил стакан чая.

– Да-да... – он потянулся и сладко хлебнул чайку.

– А какого вождя вы имеете в виду? – попытался поддержать беседу Кантарович.

Рунге досадливо покачал головой.

– Эх, молодой человек, я уже пережил всех до единого вождей! Владимира Ильича, Льва Давидовича, Иосифа Виссарионовича, Лаврентия Павловича, Георгия Максимилиановича, Никиту Сергеевича и, конечно же, Леонида Ильича. А после него вождей-то и не было. Так, не пойми что...

Академик опасливо оглянулся.

– Ну, разве что Юрий Владимирович что-то попытался...

На самом деле Рунге считал, что это была попытка с негодными средствами. Вместо крайне важной уже тогда либерализации, науке и ему лично засекретили большинство тем и проектов. До сей поры разгрести приходится. Но говорить все, что он думает, вслух было необязательно.

– Но и Андропов со своей манией дисциплины палку перегнул... – сказал он главное, – явно перегнул...

Алек закивал головой.

– Совершенно вы правы, Илья Иосифович! Но ведь и сейчас – полное безобразие. Вот был я сегодня у Черкасова.

При одном упоминании имени зама по режиму старик насупился и стал машинально причмокивать неудобным протезом. Борис Васильевич, фактически навязанный ему министерством и Лубянкой, регулярно пытался вмешаться в научную деятельность института. Это раздражало.

– Что там еще? – поморщился он. – Бойцы невидимого фронта продолжают классовую борьбу?

Алек закивал и принялся объяснять.

– Что-то вроде этого. У нас горит план на следующий год. Необходимо утвердить. Точнее даже – подтвердить, – тут же поправился Алек.

Рунге поджал губы. Алек Савельевич очень своевременно поправил себя. Академик хоть и был почти в маразматическом состоянии, но четко знал, что утверждать имеет право только научный совет и он, бессменный ректор Института. Любая попытка присвоения этих полномочий расценивалась им как недружественный шаг. Со всеми вытекающими...

– Так, – сурово прокашлялся он, – и что же вы хотели подтвердить?

– Всего лишь план публикаций на следующие три квартала, – пожал плечами Алек и приготовился открыть картонную папку.

– А что сказал ученый совет? – поправил очки Рунге. – Напомните.

– Ученый совет, прошедший... – Алек открыл папку и сверил дату, – две недели назад, утвердил план издания и переиздания работ по представленному списку. Вот, кстати, и список.

Алек пододвинул ему папку, раскрытую на нужном месте, и Рунге надвинул очки. Глянул в бумаги и тут же отпрянул, упершись трехкратно увеличенными глазами в Кантаровича. Губы отчаянно задвигались.

– Что это значит?! Это как понимать?! – ткнул он пальцем в красные линии и кресты; художества зама по режиму превратили серьезный документ в карикатуру.

– Как видите, – Алек изобразил отчаяние, обиду и беспомощность. – Такое вот отношение к делу...

Академик налился пунцовой краской и ткнул пальцем в визу ученого совета, которая была почему-то обведена красной линией, а рядом нахальной дугой изогнулся знак вопроса.

– Кто это сделал?!

Лицо Алека Савельевича стало сухим и отстраненным.

– Борис Васильевич Черкасов. Ваш заместитель по режиму.

Игрушки

Алек видел, что Рунге растерялся. Он, конечно же, имел право отменить любое решение своего зама, даже по режиму. Но, с другой стороны, он определенно побаивался, и даже не столько прямой ссоры, сколько возможных последствий жалобы Черкасова своим «другим» начальникам. Слово «Лубянка» никогда академику не нравилось.

«Пора», – понял Кантарович и аккуратно пришел на помощь.

– Насколько я понял из нашей беседы, Черкасов не против указанных публикаций в целом...

– Правда? – взгляд ректора вспыхнул явной надеждой на благополучное разрешение назревающего конфликта.

– Да-да. Он сказал, что очень прислушивается к вашему мнению и уважает решение ученого совета, – безбожно врал Алек.

Старый академик залился краской и удовлетворенно причмокнул.

– Это хорошо. Правильно.

Алек убедился, что ничего более сказано не будет, и перешел к решающей фазе своего плана.

– Но он, как и всякий не специалист, не совсем понимает отдельные значения и термины. И тем более не знает, по сути, многих работ.

Алек подтащил картонную папку к себе и ткнул пальцем в густо перечеркнутую красным строку.

– Например, учебник Смирнова 1972 года и ваш труд «Охлаждение ракетных двигателей» 1981-го...

Академик презрительно фыркнул.

– Откуда он их может помнить? Он тогда еще под стол пешком ходил! Мальчишка.

Алек замер: пока все шло, как надо. А Рунге тем временем сделал большой глоток чая и вытер бородку, на которую попали капли.

– Я уверен, что Черкасов и не видел ни одной из моих работ, – подытожил академик, – а тем более работ Смирнова.

– Мне тоже так кажется, – кивнул Алек. – А между тем сейчас на наше издательство выходят западные корпорации по производству бытовой и спасательной техники и детских игрушек.

– Игрушек? – вскинул брови Рунге; он явно был возмущен таким занижением значения его научных работ.

Алек замахал руками.

– Нет-нет! Вы не думайте, Илья Иосифович. Это не просто игрушки. Даже совсем не игрушки. Представьте себе настоящий военный корабль, подводную лодку, самолет вертикального взлета, крылатую ракету...

Академик насупился.

– Ну, и?..

– Так вот, все это в масштабе один к ста. Или один к пятидесяти. И даже один к двадцати. Все эти модели реально строятся в этих, с позволения сказать, «игрушечных корпорациях». Они да-а-алеко не игрушечные. И главное! Дают не игрушечные деньги.

Услышав слово «деньги», академик оживился.

– Хм. Весьма, весьма любопытно. Значит, говорите, масштабные действующие модели? Любопытно.

Рунге задумчиво прокашлялся и погрузился в себя. Его профессионально богатое воображение наверняка уже нарисовало целую баталию между игрушечными кораблями и подвод-

ными лодками с участием самолетов и крылатых ракет. Алек снова вовремя звякнул ложечкой, и старик встрепенулся.

– Да-да? Что такое?

– Так вот я и говорю, Илья Иосифович, – напомнил Алек, – они платят очень приличные деньги всего лишь за возможность производить востребованную продукцию. Настоящие игрушки для взрослых. Но Черкасову на это плевать.

– И что же делать? – опечалился академик.

Он мысленно жалел детишек, лишенных безжалостным Черкасовым радости пустить в своего соседа торпеду или ракету.

Алек откинулся на спинку стула.

– Не мне советовать ректору и вице-президенту академии наук. Но если бы вы сочли возможным утвердить данный список публикаций не только как ректор, но и провести решение через президиум Академии... – Алек замер.

Теперь решалась судьба всего предприятия. Старик решительно кашлянул, шлепнул рукой по столу и выдернул из подставки длинную ручку, стилизованную под гусиное перо. Ради детей он готов был на все. Тем более за это платили валютой.

– Где поставить визу?

Алек моментально подался вперед, убрал исчерканный список и положил на стол другую копию, также заверенную ученым советом, но без хамских отметок Черкасова и указал:

– Здесь и здесь. Как ректор и как вице-президент. И хорошо бы печать приложить...

Рунге кивнул и размашисто расписался.

– Хорошо. Итак... – посмотрел, наклонившись на лист, – мило. Печаточку приложим, вы не волнуйтесь. К вечеру получите в лучшем виде.

Академик сгреб листы в папку и поднялся из-за стола.

– А за Черкасова не волнуйтесь. Я сам с ним все улажу. Смирнова издавайте. Но и мои... скромные труды... уж, само собой... не забудьте.

Старик замялся, смутился, поправил академический беретик и галстук-бабочку, тяжело поднялся из-за стола и зашагал, опираясь на массивную трость, подарок к восьмидесятилетию. Как и подстаканник, она пригодились. Старые суставы нуждаются в надежной опоре. Заслуженные академики тоже.

Дровосек

Артем Павлов начал утро, как обычно в не самые загруженные дни. Изучил почту, сделал с десяток необходимых звонков, проверил, как дела у стажеров, ну, и само собой выяснил, что произошло с пропавшим двадцать лет назад Юрой Соломиным.

В целом с Юрой оказался полный порядок: долгая работа за рубежом позволила ему обрести такими связями, коих обычно хватает до конца жизни, – даже если не работать. После столь внезапно и красноречиво оборвавшейся командировки Юра все-таки попал не в дорожные регулировщики, а в самую настоящую контрразведку, причем не на самую слабую должность.

«Нет, Юра – действительно, железный человек... – заулыбался Артем, – в огне не горит, в воде не тонет!»

Соломинский характер проявился в Вышке довольно быстро, но вот кличка приросла к нему далеко не сразу: Железный Феликс, Железный Дровосек, Матрос Железняк... а, в конце концов, утряслась на простом и понятном Железный Юрик. Он и теперь наверняка оставался таким же – прямым и настырным.

«Нет, не буду первым звонить, – еще раз взвесив все обстоятельства, решил Артем, – Юрка сам должен решить, кто ему будет ко двору...»

И, напротив, с Алеком Кантаровичем все оказалось просто и понятно. В пять минут Артем нашел все его координаты и, отметив, что даже самая сонливая девушка в это время должна уже проснуться, набрал свой домашний номер.

– Артемий Андреевич? – взяла трубку домработница Катерина, – мы тут с Соней вашими плюшками балуемся... не возражаете?

– Не возражаю, – улыбнулся Артем, – только запишите сразу телефон и адрес. Это для Софии...

Катерина быстро записала все, что велели, затем у трубки оказалась Соня, и Артем не без вздохов вычеркнул из рабочего дня четверть часа жизни.

– Спасибо, Артемий Андреевич, я немедленно с ним созвонюсь, – заверяла Соня, и время все шло и шло, а Артем только слушал и время от времени соглашался.

– Да-да, это будет разумно.

– Я вообще не привыкла сидеть без работы!

– Что ж, прекрасное качество...

– Прямо сейчас и позвоню.

И никто не торопился первым оборвать этот необязательный разговор, и, странное дело, когда разговор все-таки был окончен, Артем почувствовал острый укол сожаления.

Энциклопедия

Уже через полчаса Алек вернулся на свой чердак и принялся любовно раскладывать так называемые гранки – только что отпечатанные листы, когда отдельные части книги еще не сверстаны брошюрками, и есть возможность насладиться запахом типографской краски. Алек особенно любил эти моменты и требовал обязательно приносить только-только вышедший из под печатного станка экземпляр, и часто, слишком часто, мастер или печатник забывал и это вовремя сделать.

Это была одна из основных причин, по которой Алек стремился создать собственные мощности. Он очень хотел не зависеть ни от кого; не спрашивать, что можно печатать, а что нет; не кланчить визы и разрешения, не обивать пороги кабинетов старых чудаков и чванливых дураков, а печатать, печатать на полную мощь станка.

Для этого нужно было сделать еще три-четыре удачных захода и получить необходимые деньги, и, в частности, энциклопедия, заказанная британцами, могла в этом существенно помочь. Алек мог подозревать, для чего нужна такая публикация. Открытой публикацией институты, не патентовавшие своих изобретений, фактически отказывались от многих важнейших ноу-хау ядерной энергетики, например, как изготавливать особо прочные, не боящиеся перегрева урановые стержни. Как британцы сумели это пробить, Алек не знал, он знал одно: уже первый тираж даст больше половины нужных ему денег. А там, если удачно подсуетиться и прокредитовать, то можно быстро отбить и все остальные деньги. А дальше...

Алек счастливо улыбнулся, прижал папку с планом издательства к груди, встал из-за стола и закружился по чердаку в ритме вальса – мимо стола, мимо окна, мимо двери... он был счастлив.

Резкий толчок в дверь прервал танец и откинул Алека к шкафу, а сверху на него тут же посыпались так и не разобранные старые рукописи и прочий хлам. На пороге возник Черкасов.

Алек замер, и тут же пронзительно задребезжал его телефон.

Черкасов, тяжело ступая, прошел в центр маленькой комнаты, под неумолчную телефонную трель сел в кресло хозяина чердака и поднял и тут же опустил трубку на рычаги. Алек тряхнул головой и выскочил из оседающей на пол тучи потревоженной пыли.

– Ну, здравствуйте, ваше преподобие! – без тени улыбки, поздоровался зам по режиму. – Пыль веков ворошите?

– Зд-д-дрррссте, – дрогнувшим голосом поприветствовал его Алек: визит Черкасова не сулил ничего хорошего.

– Что такое? Заикаетесь? Может доктора? Логопеда? Не хотите?

– Нет, – мотнул головой Алек, – не хочу.

– А проктолога?

Телефон отрывисто затрезвонил.

– Тоже нет, – поджал губы Алек и двинулся к телефону.

– А надо бы, – недобро проронил Черкасов, поднял и тут же опустил трубку на рычаги, – залезть бы тебе в задницу и выпотрошить!

Алек собрал все свои силы в комок.

– Вы о чем, Борис Васильевич? Я решительно не понимаю вас...

– Решительно? – придвинулся вперед Черкасов. – Сейчас объясню. Я тебе, как человеку, все утверждаю. Так?

– Так, – согласился Алек, хотя это было вовсе не так. Черкасов все время норовил вернуть ему как можно больше тем и публикаций.

– Вот. Правильно. Так! Сам говоришь! – Черкасов ухватил тренькнувший телефон за шнур и яростно выдернул его из розетки. – А чего же ты бежишь через мою голову к Рунге и выцганиваешь его «добро»? Какого хера? Я тебя, Моисеич, спрашиваю?!

– Я... не Моисеич... – начал было Алек, но Черкасов грубо его прервал.

– Знаю! И не Абрамович!!! Тоже не забывай. Это ему многое позволено. Но и его время придет. Разберемся! – Черкасов погрозил огромным кулачищем куда-то в сторону Чукотки, а может быть Кремля.

Алек сунул руки за спину, затем – в карманы, затем приосанился...

– Я не понимаю.... О чем вы...

– Не понимаешь? Сейчас поясню. Тебе что нужно? Печатать?

– В общем, да, – не понимая, к чему клонит Борис, ответил Алек.

– Ну и печатай! Какого хрена ты лезешь к ректору?

Алек на мгновение прикрыл глаза. Да, тон у Черкасова был хамский, но, по сути... по сути, он только что всем своим поведением признавал поражение.

– Запомни, Моисеич, – цедил Черкасов, – навсегда запомни: в этом институте право первой ночи принадлежит мне.

Он положил свои большие руки поверх бумаг Алека, и его взгляд упал на свежие гранки. Он поднял один лист и, шевеля губами, прочитал название: «The Nuclear Physic Encyclopedia». Ухмыльнулся.

– Энциклопедия ядерной физики? О-о-очень интересно! Что-то я не помню, чтобы ты у меня спрашивал совета по этому поводу. А? Моисеич?

Алек похолодел. Эти гранки вовсе не были предназначены для чужих глаз. И Черкасов понимал, какой замечательный рычаг попал ему в руки, и уже двинулся в контратаку.

– Но сначала объясни-ка мне, что произошло с планом...

Наваждение

Когда Соломину принесли первые данные прослушки, он смущенно хмыкнул и перепроверил данные еще раз. Выходило так, что Алеку в последние пять минут звонили трижды с одного и того же номера, и Алек трижды демонстративно поднимал и опускал трубку. Но не это было самым удивительным.

– Вы уверены, что это его телефонный номер? – переспросил он старшего смены.

– Абсолютно.

– А вы ни в чем не ошиблись? Ни в адресе, ни в годе рождения, ни...

– Исключено, – решительно оборвал его старший смены, – я за свою работу отвечаю.

Соломин растерянно пожевал губами и замер, уставясь в никуда. Выходило так, что Алеку Кантаровичу трижды звонил из своей квартиры Артемий Андреевич Павлов, сын Андрея Андреевича Павлова из МИДа и однокашник самого Соломина по Высшей школе КГБ.

«А может, это не он звонил? – попытался спасти положение Соломин, – скажем... ну, и кто? Жена? Но они ведь, кажется, в разводе... Домработница? Ага, нечего ей больше делать, кроме как в секретный НИИ звонить – исключительно из квартиры шефа! И кто тогда?»

К сожалению, из-за того, что Кантарович в разговор не вступал, прослушка ничего о личности звонившего сообщить не могла.

Логичнее всего был бы вывод, что звонил сам Артем, например, по заданию тех, на кого он, вероятно, работает... под адвокатским прикрытием. Просто исходя из того принципа, что «бывших не бывает».

– Так вас растак... – выдохнул Соломин.

Таких накладок быть не могло; смежники просто обязаны были его предупредить! Даже не потому, что этого требовали межведомственные приличия; но есть же элементарная техника безопасности! Не стой под стрелой! Не проверяй посты без начальника караула! Не суй свой нос в чужой вопрос, наконец!

А спустя еще полчаса ему принесли свежую распечатку. Прибывшая вчера из Штатов Софья Павловна Ковалевская вышла-таки на Алека Кантаровича! И звонила она с того самого, уже трижды засветившегося телефона, домашнего телефона бывшего разведчика, а ныне преуспевающего адвоката Артемия Павлова.

– Бр-р-р-р... – тряхнул головой Соломин, – у меня что, галлюцинации?

Но это не были галлюцинации. Хуже того, когда он кинулся к телефонам и переговорил со всеми, кто имел отношение к его работе, выяснилось, что НИКТО из смежников не ведет ни малопонятного Алека Кантаровича, ни... м-м... эту Софью Ковалевскую, ни, само собой, Артемия Павлова.

– Вот я интересуюсь, Артемий Андреевич... – поднял глаза к потолку Юрий Юрьевич, – а не имел ли ты случаев несанкционированных контактов? Ну, когда еще учился в Штатах... и не пытаешься ли ты прямо сейчас впасть в грех тридцатисребренничества?

Судя по контексту событий, нечто подобное прямо сейчас и происходило.

Платоны

Уже через час после того, как Соня отыскала-таки Алека по надиктованному Артемом адресу института КФ, ей стало ясно, что здесь ничего не ясно.

– Алек Савельевич, вы это серьезно?! – хлопнула ресницами Соня.

Посреди чердачного помещения стоял штабель книг о спасении окружающей среды. И это следовало как-то реализовать в рамках организованной Кантаровичем благотворительной акции.

– А что такого? – пожал плечами Алек. – Я обещал твоему отцу подыскать достойную работу, и я тебе ее подыскал. Обходишь офисы крупных компаний и агитируешь средний и старший менеджерский состав за милосердие, благотворительность и добросердечность. Чем не достойное занятие?

Соня открыла взятый из штабеля томик и заглянула внутрь. Это были изданные Алеком и никому в стране не нужные труды по защите окружающей среды. Нетленные и бесценные в силу тотальной непокупаемости, книжонки ваялись старейшими членами Академии наук. Рунге же через эти издания имел серьезный козырь в разговоре с Президиумом, населенный такими же, окончательно выжившими из ума, авторитетами советской эпохи.

Ясно, что ни одному нормальному современному человеку, мчащемуся по нескончаемой марафонской трассе за удачей, деньгами и просто благополучием, и в голову бы не пришло читать книгу столетнего академика Снегирева «Спасти арктические снега от таяния – важнейшая задача современного общества». Всю жизнь академик работал над оружием массового уничтожения, был всемирно признанным отцом нейтронного оружия, а на старости лет решил реабилитироваться таким странным образом.

Над этим его желанием подтрунивали многие, а уж когда он попытался выдвинуть свой труд на соискание не только награды ЮНЕСКО, но и Нобелевской премии, сарказму коллег не было границ. Это все равно, что нынешний вице-президент США Альберт Гор вдруг начнет агитировать за спасение мира от глобального потепления и получит за это ни много ни мало – Нобелевскую премию мира. В общем, бред, да и только.

– Или вы тоже считаете, что заниматься этим – бред? – с подозрением прищурился Алек. Соня решительно замотала головой.

– Ни в коем случае! Спасать арктические снега надо! И прямо сейчас! Но ходить с сумкой по офисам? Меня же ни один охранник внутрь не запустит!

Алек поморщился. Ему предстояло решить сегодня куда более важную задачу – как-то заблокировать Черкасова. А тем временем Соня еще раз покачала головой и вернула книжку в штабель.

– И в фонд наш никто не захочет вступать. Где программа? Где наша группа поддержки из колледжей и университетов? – Она укоризненно покачала головой, – Алек Савельевич, так дела не делаются!

Отмахнуться от свалившейся с другого конца света дочери папиного старинного приятеля было невозможно, и Алек вымучил улыбку. С американцами нужно разговаривать улыбаясь, тогда они расслабляются. Это правило Алек усвоил еще в период своей первой неудачной эмиграции.

– Софья, не переживайте. В России сейчас многое делается впервые. И наша задача лишь заставить людей думать. Да, пока не все готовы принимать наши идеи. Но мы не торопимся. И не торопим. Но, будьте уверены, придет время, и мы воспитаем общество...

Он говорил и говорил, а Соня слушала, но почему-то не верила. Нет, речи правильные, но действия он предлагал совершенно противоположные тому, о чем только что с такой страстью рассказывал.

То же самое было с ее отцом. Соня полностью соглашалась, что именно в русских ученых нуждается весь мир. Ее отец, уехав от коммунистического режима, бредил Россией. Он вечно твердил, что только их родина может рождать «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов». Ну, с Платоном было более менее ясно, она не могла понять другого: кто такие Невтоны? И почему именно в России должна появиться реинкарнация древнего философа? У кого хватит ума назвать свое дитя Не-в-тон?

Папе вопросов она предпочитала не задавать, потому что вместо ответа на вопрос можно было попасть на очередную папину пьесу в театре одного единственного актера – Павла Матвеевича Ковалевского. Но теперь она сама решала свою судьбу.

– И очень хорошо, что вы уже имеете опыт работы в западных экологических и прочих организациях! – восторгался Алек. – Если мы убедим наших западных партнеров, что Россия сегодня друг и партнер, то все будет супер!

Соня тряхнула головой. Напор был чересчур силен.

– Поймите, Соня, я вовсе не планировал заниматься вами круглосуточно! У меня иные, не менее важные задачи. Вот, смотрите, – приподнял Кантарович какие-то огромные листы с отпечатанным текстом. – Это то, о чем я говорил. Энциклопедия! – он произнес это слово с придыханием.

Соня подошла поближе: ровные строчки, уложенные в столбики, текст мелкий, но очень ровный. Общее впечатление от внешнего вида складывалось приятное. Она не могла различить и прочитать всех предложений и формулировок, но в целом эти таинственные листы, которые Алек Савельевич именовал «гран-ка-ми», навевали уважение.

– Красиво... – не могла не признать Соня.

– Красиво?! – возмущенно пыхнул Кантарович. – И это все, что вы можете сказать?!

Он подхватил гранки и, глянув на них восторженными глазами, попытался крутануться вокруг себя, словно в вальсе. Ясно, что маневр не удался, а Кантарович, споткнувшись о пачки книг, шлепнулся на пол. Из его кармана вылетела и на мгновение в воздухе зависла стеклянная бусинка, и Соня не раздумывая подставила руки.

– Нет!

Соня отшатнулась.

– Дайте это сюда!

Соня послушно протянула руку. На ее розовой ладонке лежала крохотная капсула. От падения и резкого нажима крышка приоткрылась, и наружу вылез маленький листочек голубой бумаги.

– Ох, Соня, – укоризненно покачал головой Алек.

Аккуратно заправив голубой лоскут в капсулу, он прикрыл ее крышкой, сунул в карман и лишь тогда с облегчением вздохнул:

– Все, Соня, извините. Мне сейчас очень некогда. Идите. Попробуйте работать. До завтра.

Соня попыталась возразить, но Кантарович буквально вытолкнул ее за дверь чердачной каморки.

– У-ф-ф-ф! – выдохнула она и озвучила первое сравнение, которое пришло ей в голову. – Кро-ко-дил.

Почему-то именно этого зубастого хищника, многократно виденного Соней на болотах Флориды, куда папа вывозил их раз в год «полюбоваться природой», напомнил ей сейчас издатель Алек Кантарович. Честное слово, она не видела принципиальной разницы между флоридскими аллигаторами и зубастыми рептилиями нового русского бизнеса.

Соня тряхнула огненной гривой; косичка безнадежно расплелась, волосы требовали ванной, шампуня и гребенки, а ей еще предстояло успеть сделать хоть что-нибудь полезное.

Агент

Положа руку на сердце, это было незаконно... пока незаконно. Однако прослушка телефонных разговоров гражданки США С. П. Ковалевской дала результат мгновенно. Едва получив инструктаж у Кантаровича, Соня принялась долго и страстно рассказывать Артему Павлову о невыносимых условиях, в которые она попала в России, и уж Павлов был – само внимание.

– И что вы теперь думаете делать? – интересовался у Сони бывший выпускник Высшей школы КГБ, а ныне отучившийся в Штатах преуспевающий адвокат.

Полковник Соломин превратился в слух.

– Схожу в рекомендованные мне места встречи деловых людей, – отвечала как на духу потенциальная связная ЦРУ.

– Это где ж такие? – рассмеялся Артемий Андреевич.

Соня принялась перечислять, но у Павлова этот перечень вызывал только задорные смешки.

– А что вы там смеетесь? – возмутилась в конце концов американка. – Или вы можете предложить мне что-нибудь лучшее?

– Могу, – уверенно заявил Павлов.

Соломин так и застыл с карандашом наперевес.

– Я могу предложить вам совместный ужин, – уже нимало не стесняясь, рассмеялся в наушниках Павлов, – скажем, в уже намеченной вами к акту благотворительности жертве – ресторане «ОБ ЖОРА», часам к восьми-девяти.

«Надо же! Уж не клеит ли он ее?!» – хохотнул Соломин.

– Ну, не знаю... – засомневалась американка, – мне столько надо успеть...

– Там я и расскажу вам о тех особенностях российского менталитета, о которых не знают эмигранты во втором поколении.

– Обещаете? – как-то игриво поинтересовалась американка.

«Ух ты! – подумал Соломин. – Да она ведь не против...»

Насколько он знал женщин, такая игривость в голосе могла означать многое, очень многое. Но это же означало, что американка, кто бы она ни была, утратит сегодня бдительность вдвое. Ну, и Павлов тоже...

«Рискнуть?»

Встреча этих двоих в ресторане однозначно помогла бы раскрыть каждого из них чуть больше, чем известно сейчас. Главное, чтобы рядом, пока будет длиться встреча, был третий – некто незримый. Да, это еще не было законным, но сегодня – Соломин глянул на часы – подписать разрешение он просто не успевал.

Обжора

Популярный столичный ресторан «ОБ ЖОРА» получил свое столь же смешное, сколь и успешное название благодаря своему владельцу Жоре Обрубкову. Сложное из имени и первых букв фамилии, оно отыскало самый живой отклик в сердцах отечественных олигархов, и теперь самый короткий путь к этим сердцам лежал через «ОБ ЖОРУ». Однако сегодня в «ОБ ЖОРЕ» вот уже четверть часа происходило нечто невероятное: симпатичная рыженькая девушка с легким акцентом пыталась подвигнуть жующих бизнесменов делать взносы в пользу пострадавших от различных вооруженных конфликтов детей.

– Вы не понимаете, что речь идет о детях? О детях, которые пострадали от войны! – громко, на весь зал объясняла она, и было видно: кое-кто уже вытаскивает портмоне – лишь бы эта ДЕВИЦА не давила на совесть.

Администратор пытался ее вразумить, но безуспешно – девушка тут же объявила, что она американка и приехала помочь России вернуться к своим исконным традициям: милосердию и благотворительности. Трогать американскую гражданку многоопытный администратор не стал и просто вызвал милицию, ну, а прибывшие патрульные уже не стали с ней церемониться.

– Так. Нарушаем общественный порядок? – белобрысый сержант окинул девушку усталым взглядом.

Он сразу увидел, что никакой опасности от этой рыжей американки не исходит, но «ОБ ЖОРА» иногда выступал спонсором их отделения в некоторых вопросах, и не реагировать на вызов было нельзя.

– Нет. Не нарушаем. Это они нарушают право на свободу слова и право каждого жить счастливо, – ответила она напористо.

– Ух ты! Чем же это они нарушают? – весело оглядел затравленно жующих бизнесменов милиционер.

– А тем, что проедают и пропивают здесь деньги, – она погрозила кулачком сидящим в зале людям.

Некоторые поморщились, многие отвернулись, но основная масса так и продолжала с невозмутимым спокойствием равномерно двигать челюстями.

– Так свои деньги-то! – апеллировал патрульный к привычной логике. – И чего вам не нравится? Сами зарабатывают, сами и проедают. Все логично. Все законно.

Рыжая возмущенно пыхнула.

– Все нет! Может, и законно, но совсем не логично! Когда в мире гибнут дети, кусок в горло не должен лезть! – Она непреклонно надвинулась на милиционера. – Как можно объедаться, когда вся Африка голодает?! Вот вы знаете, сколько детей умирает от голода?

Патрульный под таким напором невольно отодвинулся:

– Нет. А сколько?

– Больше ста тысяч в день! А вы говорите логично и законно! Не логично и не законно, – она вдруг протянула ему руки: – Давайте! Арестовывайте меня. Но замолчать не заставите.

Девушка решительно тряхнула рыжей копной волос, поднесла сжатые кулаки к груди сержанта и добавила:

– И не забудьте мне зачитать мои права!

Тот поморщился и легко отодвинул ее руки:

– Ну, к чему эти страсти? Фильмов, что ли, американских насмотрелись?

– Да. Я и есть американка. И не стесняюсь сказать об этом. Потому что я не поддерживаю наше правительство. Не одобряю войну в Югославии и Афганистане. И вашу войну не одобряю.

– Понятно, – вздохнул патрульный. – Ну, тогда пройдем в отделение и разберемся, что вы за птица заокеанская-американская. Вперед, – слегка придал он девушке ускорение по направлению к выходу из «ОБ ЖОРЫ».

И едва они двинулись к выходу, в дверях возник высокий мужчина.

– Постойте, сержант! Не торопитесь. Эта девушка со мной.

Милиционер остановился; для человека постороннего этот голос прозвучал слишком уверенно.

– А вы, собственно говоря, кто та...

В этот момент мужчина окончательно приблизился, и патрульный опознал в нем известного адвоката Артема Павлова. Это означало одно: сержант сегодня останется без добычи и будет вынужден выставлять неустойку хозяину заведения. За беспокойство. Патрульный расплылся в улыбке:

– А-а-а. Господин Павлов. Приятно видеть и слышать. Как вы неожиданно появились...

Павлов тоже улыбнулся – широко и демонстративно:

– Я там, где меня не ждут, – с пафосом произнес он и совсем уж высокопарно добавил: – Я там, где я нужен. Мое второе имя – внезапность.

Милиционер открыл рот да так и замер: такого откровенного выпендрежа он не видел давно, а Павлов понял, что все удалось, и расхохотался:

– Шучу, сержант. Просто у меня свидание с этой прекрасной девушкой, и оно только что... – он выразительно посмотрел на красивые массивные часы, – нет, уже две минуты назад началось.

Сержант хлопнул глазами, а Павлов повернулся к американке.

– Соня, что вы натворили? Почему этот милый человек в форме предъявляет к вам претензии?

– А он против благотворительности и милосердия, – выпалила Соня.

– Нет-нет! – запротестовал сержант. – Совсе я не против милосердия. Мне-то что? Просто вы тут скандалите, беспокоите клиентов, и администратор вызвал наряд. Вот сейчас установим вашу личность и составим протокол. Кстати, ваш адвокат поможет вам, – он кивнул на Павлова.

Соня фыркнула и скривила ротик:

– Мой адвокат? Фи!

Павлов, явно сообразивший, что нужно срочно действовать, а то можно остаться без девушки, и без обеда, перехватил инициативу:

– Сержант, прошу вас! Не надо ничего устанавливать. Никаких протоколов тоже не надо. Я беру эту общественницу на поруки и ручаюсь за нее. Она будет вести себя тихо.

Соня попыталась что-то возразить, но Артем многозначительно поднял палец:

– По крайней мере, в общественных местах. В ресторане, например. Мы ведь пришли поесть и пообщаться, а вовсе не развлекать ваше отделение рассказами про Америку и прочая. Так, Софья Павловна? Дайте слово представителю правопорядка, что впредь не будете шуметь в ресторанах. Пожалуйста.

Он заглянул Соне в глаза, та поджала губы и фыркнула:

– Хм! Не буду! Больше не буду агитировать ваших твердолобых толстосумов помогать детям. Если совести нет – пусть трескают свою фуа-гра.

– Ну вот, только дали слово и сразу ругаетесь! – милиционера возмутило незнакомое слово. – Симпатичная девушка, а так ругаетесь!

Соня тяжело вздохнула, и Павлов снова ей подмигнул:

– Ай-яй-яй, Софья Павловна Ковалевская! Слышал бы вас сейчас ваш папа, академик, профессор математики, лауреат государственной премии. Ай-яй-яй!

Судя по реакции сержанта, который чутко прислушивался к титулам отца задержанной девушки, впечатление-таки было достигнуто. Милиционер на мгновение задумался, и тут же хлопнул себя по лбу:

– Точно! Вспомнил. В школе портрет висел.

– Точно! И Софья Павловна ее внучка! – весело подхватил Павлов. – Вот видите, кого вы хотели в обезьянник отправить!? Позор! Был бы скандал на весь мир.

– Да-а-а-а, – смущенно протянул сержант. – Недоразумение вышло. Господин Павлов, скажите, а можно у вас автограф взять для жены? А?

Милиционер протянул книжицу, на которой виднелась потертая надпись: «Блокнот дежурного милиционера».

– Да это всегда пожалуйста! – Павлов лихо расписался, а милиционер замялся и спросил тихо:

– А у госпожи Ковалевской можно? Тоже.

– Можно. Можно. – Соня взялась за книжку, аккуратно вывела «Ковалевская С.П.» и вернула блокнот. Патрульный сержант удовлетворенно шмыгнул носом:

– Во. Покажу своему оболтусу. А то математику, вишь, не хочет он учить! Будет как милый! Ну, не смею мешать. Приятного аппетита. – Он козырнул и двинулся к выходу из ресторана. Незаметно погрозил здоровенным конопатым кулаком застывшему в углу при выходе администратору, прошипев, передразнивая его:

«Хулиганы, бандиты»! Я тебе покажу! Ответит Жора за твой «косяк»!

Самооценка

Первое блюдо они ели молча, а потом в сумочке у Сони пронзительно затрещал телефон, и посетители, почти переставшие разглядывать эту необычную пару, снова превратились в слух.

– Да, это я, – отозвалась девушка. – Нет, не планирую. Нет, я вам этого не обещала. Вы сочли желаемое за действительное. До свидания.

Она сунула телефон в сумочку, и Артем, чтобы как-то скрасить возникшую неловкость, поинтересовался:

– Ну, и как первый день на новой работе, Соня?

Соня помрачнела.

– Все не так. Нет, вроде все понятно. Общественный фонд. Дети. Милосердие. Но как начинаешь говорить об этом с вашими бизнесменами... так просто волосы дыбом встают. Я всего триста сорок тысяч за полдня собрала!

Артем поперхнулся.

– Сколько?!

– Триста сорок тысяч, – печально вздохнула девушка, – сорок тысяч одна добрая женщина дала, еще сто тысяч – молодой человек, ну, этот перед девушкой своей красовался... ну, и еще двести тысяч один бизнесмен...

– Но как вам это удалось? – заинтересовался Артем.

Соня пожала плечами.

– Подходишь, садишься напротив и начинаешь объяснять, что нужны деньги, много денег, и тот, кто не платит, тот поддерживает голод и разрушения...

Артем схватился за голову.

– И все это в общественных местах?

– А где же еще? – Соня поправила растрепавшиеся волосы, и Артем откровенно залюбовался, – у меня вон целый список таких мест... Алек Савельевич не сказал, что ваша полиция тоже это запрещает.

Артем покачал головой.

– Кстати, а как он вообще этот ваш босс? Как его там? Алик Савельевич?

– Нет. Его зовут Алек, через «е», – поправила его Соня, – не очень приятный, но умный. Определенно талантливый. Папа говорит, что таким был и его отец.

– А что с отцом?

– Он, к сожалению, умер полгода назад. Алек очень сокручинится.

– Не сокручинится, а сокрушается, – на ходу поправил Сонин «американизм» Артем.

– Да. Со-кру-шает-ся. В общем, огорчается.

– А чем он занят сейчас? Ну, кроме сбора денег жертвам голода и войн.

– Он ведет какой-то сложный издательский проект. Издает, кажется, Большую физическую энциклопедию.

Артем удивился.

– Энциклопедию по физике? Зачем? Кому сегодня нужна энциклопедия по физике?!

– Как кому? Всем. – Соня хлопнула красивыми желто-карими глазками.

– Нет, Сонечка, – не согласился Артем, – «всем», если уж использовать этот термин, сегодня нужны книги «Как заработать миллиард» или «Тысяча сравнительно честных способов отнять чужие деньги».

– А энциклопедия?

– Хм. Энциклопедия – хорошая вещь, но лучше, если это «Энциклопедия эротики» или «Энциклопедия гадания». Про экстрасенсов, магов, гадалок, знаете?

– Да, знаю. У нас они тоже есть. Но это для людей отчаянных. Которые не верят в свои силы. Потеряли, как это... – она потерела в воздухе пальчиками, – у нас называется «сэл-фэстим».

– Самооценка, – подсказал Артем и добавил: – Только не отчаянных, а отчаявшихся. Соня кивнула и, наконец, доела свой супчик.

– О да. Зачем вам это? России нужно заниматься тем, в чем она всегда была сильна.

– Вы имеете ввиду оружие, нефть, газ? – подначил Артем американку.

Соня покраснела:

– Нет! Не это! Точные науки. Открытия, которым обязано все человечество. За Россией будущее. У нас в Америке... то есть я хотела сказать, у НИХ в Америке все лучшие умы – русские. Те, кто уехал от тоталитарического режима.

– От тоталитарного. Как ваш папа?

Соня решительно закивала.

– Да. Миссия России – будущее всего мира. Кто это не понял – просто дурак!

Девушка сдвинула брови, убрала руки со стола, и по всему ее виду было понятно: тот, кто с ней не согласится, мгновенно перейдет в разряд вечных врагов. Артем приложил ладонь к груди:

– Абсолютно солидарен!

Соня удовлетворенно вздохнула, и Артем подвел черту:

– И все же, Сонечка, Энциклопедия физики – это утопия. Не верю, что ваш гений столь слабо разбирается в конъюнктуре издательского рынка сегодня.

На него посмотрели, как на слабоумного или ребенка.

– Вы не понимаете. Кантарович прекрасно знает рынок и конъюнкту-ру. Сначала, Энциклопедия выйдет на английском языке.

Артем задумался.

– Вот оно что...

Это меняло дело в корне.

– Да. Весь тираж пойдет в Британию. И вот на эти деньги Алек Савельевич сможет издать русский вариант. А за счет разницы можно будет сделать ее очень дешевой и доступной.

– Интересно... – наконец-то признал экономический гений Алека адвокат Павлов, – очень интересно.

Лирика

– Интересно... – вслед за ним повторил Соломин и надвинул наушники поглубже.

Слышимость была неплохая, техники постарались на славу, но вплоть до этого момента все, что он слышал, было банальным трепом.

– Он гений, я вам говорю, – восторгалась Соня, – представьте, какая будет помощь университетам и школам! А ваши ученые смогут получить хороший гонорар, а не то, что им платит ваше правительство. Понимаете? Ученые получают реальные деньги!

– И не только они, – почти синхронно с Павловым оценил изящный ход Кантаровича полковник Соломин.

– Соня, что мы все про работу, издателя, физику? Давайте о лирике, – перевел разговор в иную плоскость Артем.

Соломин чуть не застонал. Разговоры на тему спасения России и всего мира чрезвычайно возбуждали молоденькую благотворительницу из Штатов, и она становилась необычайно говорливой – только слушай! Но Артема кибернетическая физика интересовала куда как меньше, чем сама возбужденно дышащая собеседница.

«Зар-раза!»

– Предлагаю прогуляться до знакомой вам квартиры и выпить у меня чаю, – уже перешел в наступление однокашник, – обещаю заварить особенный в вашу честь...

«Ага, – раздраженно подумал Соломин, – а после еще пообещай ей и Вахтанговский театр...»

– А после чая – в Вахтанговский, – немедленно озвучил предположение Артем, – у меня как раз два билета на премьеру. Дают «Дядюшкин сон». Редкий жанр для Федора Михайловича – комедия. Надо пользоваться случаем.

Полковник Соломин скрипнул зубами: столь многое обещавшая прослушка превратилась благодаря Павлову неизвестно во что. И только откровенно соблазняемая Сонечка была довольна.

– Ой! Я так мечтала увидеть настоящий русский театр, – щебетала она, – этих талантливых русских актеров! Прекрасных актрис! Мне очень приятно Артем, что мы можем с вами сегодня насладиться хорошей игрой! Это замечательно.

Там, за столиком ресторана, кого-то благодарно и торопливо чмокнули в щеку, и Соломин зарычал и сорвал наушники.

Премьера

Спустя два часа по адвокатской квартире на Арбате разносился таинственный нежнейший аромат чая, смешавшегося с флюидами молодых разгоряченных любовников. Соня целовала его и крепко прижималась дрожащим телом. Внезапно он остановил ее, приложив палец к ее губкам:

– А как же прекрасные актеры и талантливые актрисы?

– Пусть еще репетируют. Завтра проверим. Сегодня я очень занята.

Соня, играя, прихватила палец Артема своими белыми маленькими зубками. Он не отдернул руку, а, повернув ее головку в пол-оборота к себе, ответил таким же игривым укусом за ушко.

В Вахтанговском давали в этот день премьеру с блистательным Владимиром Этушем в роли князя и искрометной Марией Ароновой в роли гранд дамы. «Дядюшкин сон» прошел с триумфом. Павлову и Ковалевской совсем не спалось...

Совещание

Заседание рабочей группы кафедры, прямо с утра, началось жутким скандалом. Профессор Николай Иванович Смирнов, остро заинтересованный в соблюдении всех договоренностей с англичанами в лице профессора Кудрофф, настаивал на ускорении работы. Те же, кому следовало все это исполнять, – напротив, настаивали на выделении им дополнительного времени.

– Николай Иванович! Мы не успеваем в нужный вам срок! Переделать два доклада за неделю нереально!

Смирнов спокойно и кропотливо помечал все высказанные замечания в своей толстой амбарной книге. Когда-то в прежней еще стране все было намного проще. Академикам и профессорам были положены определенные льготы, повышенная зарплата за научную степень и звание, увеличенная жилая площадь, дополнительные несколько дней к отпуску и обязательный «библиотечный день» раз в неделю. А еще раз в квартал им выдавали письменные принадлежности, бумагу, тетради, карандаши, ручки и даже скрепки.

В первые дни после развала Советского Союза, узнав, что часть филиалов отходит к белорусским и украинским коллегам, ректор Рунге распорядился приостановить отправку в Киев партии канцелярской продукции. Он наложил табу и своим распоряжением раздал экспроприированные канцтовары всему профессорскому составу Института. С тех пор у Смирнова образовался неиссякаемый запас «амбарных книг».

Смирнов пододвинул очередную амбарную книгу поближе, а доктор наук Кубышко так и продолжал сетовать:

– В первых докладах из-за спешки в подготовке были допущены некоторые технические... как бы сказать... неточности.

– Неточности? Это вы скромно... – Смирнов положил авторучку и приподнял очки.

Кубышко покраснел.

– Николай Иванович, понимаю ваше недовольство. Именно вы несете ответственность за исполнение договора. Но мы готовы исправить.

Кубышко действительно стыдился за некоторые выкладки, которые были приведены именно его лабораторией, и он, как человек совестливый, получив деньги за некачественно сделанную работу, не мог молча отсиживаться за спинами коллег. Кубышко протянул несколько отпечатанных листов Смирнову.

– Здесь есть предложения по отработке материала. Но что неделя, что две недели – срок одинаково нереальный. У нас в наличии только половина штатного состава лаборатории.

– А где же остальные?

– Остальные? Как бы вам сказать?! Ушли в поисках лучшей доли. Как известно, рыба ищет, где глубже, а профессор – где лучше.

Смирнов озадаченно потер лысину.

– И какой вы видите выход?

– Выход есть. Дайте нам хотя бы двадцать рабочих дней. Мы все закончим.

Смирнов отрицательно покачал головой. Перед вылетом профессора Кудрофф в Лондон, они договорились об ускорении исполнения контракта, и увеличивать срок до двадцати...

– У вас было сорок...

– Это так, но данные требовали уточнения и проверки в условиях стенда. На стенде можно увидеть результаты. Были допущены просчеты. Не смертельные. Они исправимы. Я не снимаю с себя ответственности как руководитель лаборатории. Но для испытания на стенде нужно иметь хотя бы десять работающих моделей. У нас нет и пока не предвидится... – Кубышко от отчаянья закусил указательный палец правой руки.

– Хорошо. В таком случае, я предлагаю не заниматься наукообразным стриптизом, а просто проанализировать замечания, присланные британцами. Здесь весь список, – профессор Смирнов разложил на столе десяток плотно исписанных страниц. – Всего триста восемьдесят четыре замечания и вопроса.

Кубышко схватил список и жадно побежал глазами по строкам английского текста.

– Понятно, понятно. Но... как быть с их требованием по образцам?

– Каким именно? – Смирнов углубился в вопросник.

– Вот здесь. Сто четырнадцатая позиция. Они просят отчет об испытании пятидесяти образцов. Это немыслимо! Где мы можем построить пятьдесят ракетных двигателей? Как их испытать в такие сжатые сроки? Это за гранью возможного!

Профессор и сам знал, что это за гранью возможного.

Рапорт

Первым делом Соломин созвонился с Борисом Черкасовым и предложил ему обсудить пределы взаимной ответственности, вдруг, что-то пойдет не так.

– Я тебе говорю, – кипел яростью Боря, – на них клейма некуда ставить! Смирнов с утра по этому британскому делу заседает. Я к академику со вчерашнего вечера пробиться не могу! А я, между прочим не хрен собачий!

– Так я могу делать то, что мне покажется верным? – уточнил Соломин размер притязаний проректора по режиму.

– Мочи каждого, кто под руку попадет, не ошибешься, – мрачно обозначил свою гражданскую позицию Черкасов, – я тебе слова против не скажу. Можешь прямо с академика начинать.

Соломин поблагодарил и тут же перезвонил в приемную академика Рунге – с простым, в общем, требованием: провести экспертизу материалов на предмет секретности. И, само собой, этому звонку большого значения там не придали.

«Как и ожидалось... – мурлыкнул Соломин. – Что ж, всему свое время...»

Он неторопливо, с удовольствием подшил в новенькую папку все скопированные документы из гостиничного сейфа профессора Кудрофф. Отдельно сложил то небольшое, что накопилось по профессору Смирнову. Отдельно, любовно огладив, подколол данные о прослушке переговоров между звонящей из квартиры Артема Павлова американской связной и Алком Кантаровичем. В перспективе почти все они должны были составить преступную группу, успешно избобличенную и определенную в места лишения свободы на самые различные сроки – в зависимости от вины.

– А теперь начнем – с самого первого шага...

Юрий Юрьевич включил компьютер и, быстро тарабанив по клавишам, начал писать: «Рапорт об обнаружении признаков готовящегося преступления в форме шпионажа и измены Родине». Мгновение подумал и поставил сверху в правом углу гриф «Секретно». Затем поднял трубку засекреченной связи «ЗАС-1», и на другом конце отозвался сухой голос дежурного офицера.

– Приемная. Дежурный подполковник Сергеев. Слушаю вас.

– Соломин на проводе. Могу я попасть к Председателю?

– Председатель в Кремле. Сегодня приема для сотрудников больше не будет.

Соломин глотнул.

– Мне нужно срочно доложить по важному государственному делу.

– Товарищ полковник, у нас, напомним вам, все дела государственные и все не менее важные, чем ваше. Придется подождать.

Соломин занервничал.

– Но у меня действительно есть срочная информация, по которой только Председатель может принять решение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.